

„Устная поэзия
трудового народа...
это бессмертная поэзия,
родоначальница
книжной литературы...“
М. ГОРЬКИЙ

КОСТЁР

12 ДЕКАБРЬ 1979

КОСТЁР

12
ДЕКАБРЬ
1979

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года
© „Костер“, 1979 г.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

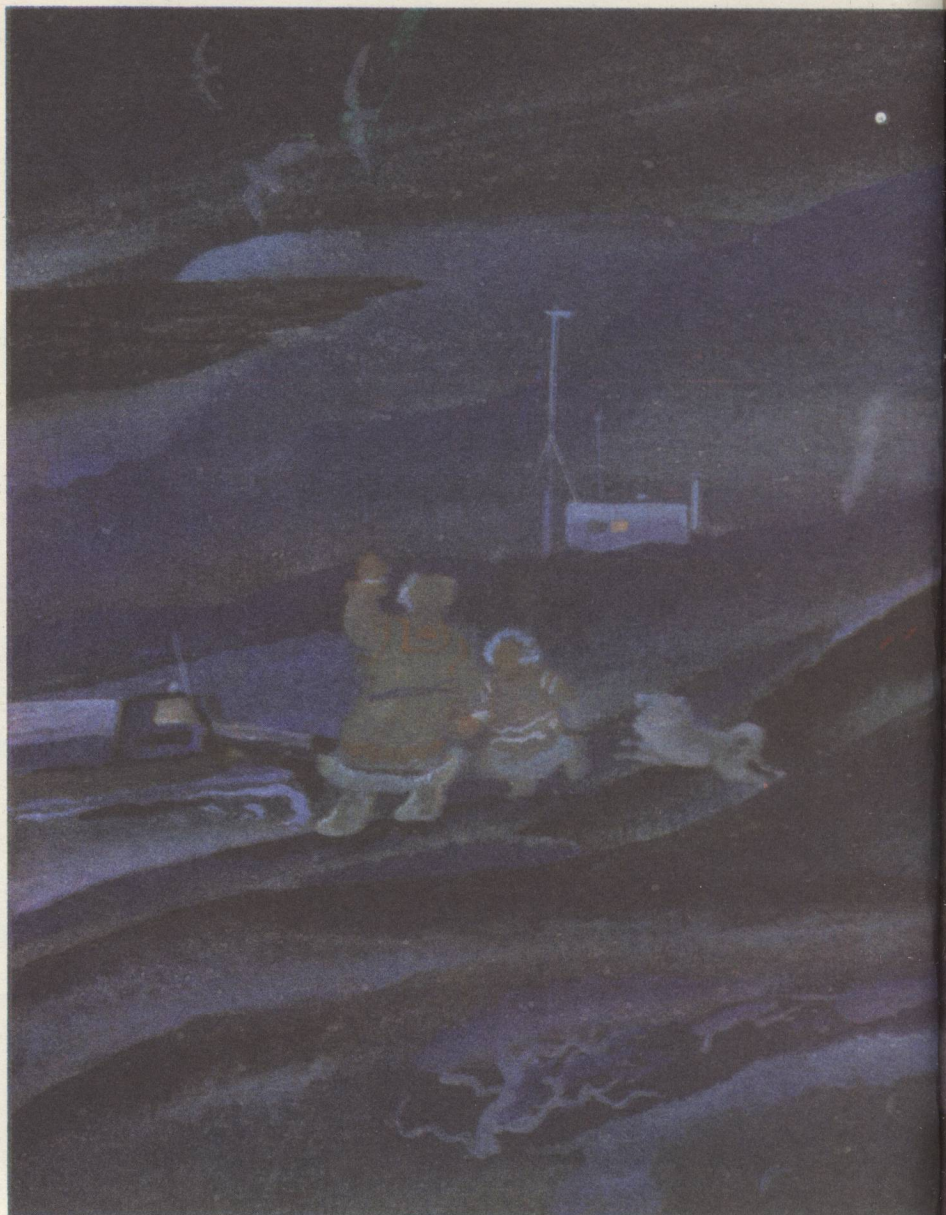
**ЮНКОРЫ „КОСТРА“
ПРОДОЛЖАЮТ
„ЛЕНИНСКИЙ ПОИСК“.**

**ИСПАНСКИЕ АНТИФАШИСТЫ
ГОВОРЯТ
СОВЕТСКИМ ПИОНЕРАМ:
„СПАСИБО!“**

**О ТОМ, КАК БЫЛ НАЙДЕН
РЕДКИЙ ПОРТРЕТ,
ЧИТАЙ РАССКАЗ
В. ГРУСЛАНОВА.**

**В КАКИХ ЖЕ СТРАНАХ
ПОБЫВАЛА ШХУНА «УДАЧА»?**

На обложке
рисунок Ю. Васнецова
к сказке П. Ершова
«Конек-горбунок»

КАК Я ЕЗ

Александр ГОСТОМЫСЛОВ

Уже стемнело, когда вездеход остановился. Я выпрыгнул из кузова и тут же был атакован сворой разъяренных собак. Но не успел испугаться — кто-то властно закричал и, злобно рыча, собаки отбежали.

Было удивительно тихо. Даже произнесенное вслух слово казалось оглушительно громким. Темное небо опиралось на синий снег. Серыми пятнами расплзались плотные заросли

карликовых берез. За пологими холмами стило Карское море.

Вездеход взревел, мигнул фарой и ушел в темную тундру.

Человек, который отогнал собак, был Костан, бригадир. Он откинул заледеневший брезентовый полог островерхого чума, и, пригнув головы, мы вошли в тепло.

Керосиновая лампа освеща-

ДИЛ НА ОЛЕНЯХ

Рисунок А. Ежелина

ла черные, связанные наверху жерди, железную печку с высокой тонкой трубой.

По краю чума, облокотясь на валики из скатанных одеял, отдыхали на оленьих шкурах пастухи.

Жена Костана вытащила из темного края чума стол на низеньких ножках. Из деревянных сундучков достала чашки, блюдца, вилки. Посреди стола поставила миску с кусками ва-

реной оленины. Рядом — тарелку с рыбой сухого посола. В небольшой тазик горой наложил печенье и нарезанный хлеб. Мы сели вокруг стола на сундучках. Крепко заваренный индийский чай быстро выгнал остатки холода.

После ужина Костан кратко сказал:

— Здесь ложись.

Я отодвинул свой сундучок и растянулся на оленьей шкуре.

Под шкурой что-то захрустело. Надавил локтем — снова хруст: это был снег. Меня укрыли оленьим одеялом, сверху накинули бараний полушубок. Над головой хозяйка развязала скатанный валик, распустила его, и я оказался под цветастым ситцевым пологом. Послушал, как ветер кидает снег в звенящий у самой головы брезент, натянул шапку и тотчас уснул.

ЭТИ ОЛЕНИ ТВОИ

Сначала я думал, что двести оленей рядом с чумом и есть стадо. Оказалось, что это только ездовые быки. А остальные три тысячи пасутся. Я попросил взять меня в стадо.

Сын бригадира Вася спросил:

— Сам на оленях поедешь?

— Сам.

Он показал на трех крепких быков.

— Это твои.

Пригибаясь, чтобы не стукнуться о рога, он охватил оленя за шею, набросил ему на голову узду из черных ремешков, застегнул за рогами. На спину и грудь приладил широкие ремни.

Бригадир с пастухами уехал, а я остался с Васей — через четверть часа наступало время радиосвязи.

Вася принес из чума антенный провод и натянул его над нартой. Настроил маленький передатчик.

— Я — Гранит-семнадцать. Как слышишь, прием...

Хриплый голос ответил:

— Я — Главный... Ваши соседи потеряли полстада. Можете ли выйти на поиск?

— Можем, — ответил Вася, — но не надо. Уже нашли.

Он убрал приемник. Отвязал от нарты длинный кожаный ремень, протянул его мне.

— Держи. Этот ремень — вожжа. Он к узде вожжа. Намотай на руку покрепче. Если отпустишь — убегут.

— А как поворачивать?

— Вправо — подергай за вожжу, влево — просто потяни. Надо остановиться — как следует потяни. И еще возьми хорей — погонять.

Он протянул мне трехметровую жердь.

— Держи под левой рукой. Ну, поехали!

Его олени рванулись, Вася на ходу прыгнул в нарты. Мои дернули тоже. Я ахнул и шлепнулся на сиденье. Трах-тах-тах! — запрыгали по кочкам нарты.

Не выпуская вожжу, правой рукой поискал, за что бы ухватиться, нащупал веревку, которой была привязана к сиденью

шкура, и вцепился в нее. Левую ногу поставил на полоз.

Олени мчались, не разбирая дороги. Из-под копыт в лицо летели острые льдинки. Нарты налетали на какие-то бугры. Я то взлетал над нартами, то с размаху падал на сиденье.

Вдруг нарты наскочили на громадную кочку, стали на один полоз. Я едва успел оттолкнуться ногой и выпрямить их.

Потом начались кусты. Сначала они были маленькие, оленьям по колено. Но росли плотным ковром и хлестко щелкали по передку и днищу. Затем пошли кусты повыше, в рост человека. Сквозь них нарты шли с хрустом, петляя и оставиваясь.

Неожиданно тундру как ножом прорезала огромная впадина. На дне ее змеилась речка.

Олени остановились.

— Тормозить сумеешь? — спросил Вася.

— Сумею... А как?

— Ногой. Смотри!

Он лихо гикнул и понесся вниз. Я успел заметить, что Вася держит ногу рядом с полозом и пашет ею, вздымая клубы снега. Сделать то же самое я не решился и стал чертить сзади концом хорей. Нарты действительно пошли медленнее.

На первом же бугре меня тряхнуло, конец хорей взлетел в воздух, и мы понеслись, проваливаясь, как в пропасть. Ветер жег лицо, гудели полозья, ни жив ни мертв я вцепился в нарты... Слетев с последнего бугра, нарты плашмя грохнулись на гулкий прибрежный лед и пробили его со звоном. К счастью, там оказалось неглубоко. Брызгая водой, разбрасывая в стороны осколки льда, олени выволокли нарты на берег.

Вася крикнул:

— Жив?

Я еле перевел дух.

— Жив!

ПЕРЕГОНЯЕМ СТАДО

Трудно даже поверить, что их можно пересчитать, эти ты-

сячи оленей. Они шли массой. Стекали по холмам, заполняли долину. Разве можно с ними управиться?

Костан все делал, не торопясь, шагом проехал он через расступающееся стадо и двинулся одному ему ведомой дорогой.

— Куда это он? — спросил я у Васи.

— В прошлом году ходил, ягель смотрел. Вчера проверил. Туда будем стадо перегонять. Здесь олени все съели.

Бригадир печально и протяжно начал кричать:

— Хэ-э-о... Хэ-э-о... Хэ-э-о...

— А что он кричит, будто потерял кого и плачет?

— Олени слышат голос впереди и пойдут за ним. Иначе станут по кустам кружить и с места не стронешь.

Но стадо, к моему удивлению, не только не шло за бригадиром, а даже делало вид, что не видит и не слышит его.

Тогда пастушьи упряжки выстроились в линию. Надеюсь на опыт вожжа, я не стал ему мешать. Он тотчас стал в строй на левый фланг, не нарушив равнения.

Чтобы лучше видеть, пастухи поднялись на колени, а Вася даже выпрямился во весь рост. Вот он взмахнул хореем, и пастухи дружно накиннулись на стадо.

— Вперед!.. Давай!.. — командовал я своим оленям. Они с ходу врезались в край стада и погнали его.

В стылую землю ударили тысячи оленьих копыт. Задрожала тундра, зазвенели бубенцы, брякнули прикрепленные к рогам бухала, залились привязанные к нартам собаки, затрещали кусты, заухали и закричали пастухи...

Но как я ни старался, мой фланг начал отставать. Подлетел на белой четверке Вася.

— Ты что с ними разговариваешь? Пугать надо!

Он заорал так, что даже я вздрогнул. А олени прижали уши и кинулись вперед.

Азарт погони захватил меня.

Я вскочил на ноги. И будто полетел над тундрой, как в счастливом сне! В упоении я гаркнул во всю грудь.

Вожак упряжки понял меня правильно и поддал скорости. Закончить вопль я не успел, потому что от хорошего рывка, ловя воздух открытым ртом и по-птичьих размахивая руками, рухнул вниз.

Прибежали две собаки, почему-то связанные за ошейники, — грозный белый пес и разлапистая собачонка. Потом я разглядел, что серая собачка была совсем молодой. Это была тундровая школа, одна оленная лайка учила другую!

Самого медлительного оленя пес тут же укусил за ногу, и тот, сея панику, понесся вперед.

Мы спустились с холма, прошли по долине, перебрались через речушку с крутыми берегами, и там Костан остановился.

Когда мы подъехали, он разгреб снег узкой длинной лопаткой, сорвал нежно-зеленый ягель. На ягеле светились кристаллики льда.

— Сначала было тепло и сразу — мороз, — огорченно пояснил он появление льдинок под снегом. — Олени это не уважают.

Передовой олень, большой и сильный, копытом разгреб сугроб.

— Важенке или олененку глубокий снег не пробить, — улынулся Вася. — А бык пробьет, и они кормятся рядом.

Места кругом были открытые, и я не мог понять, почему олени не разбегаются.

— Зачем убегать? — удивился Вася. — Ягель свежий есть... Они полудикие. Знают, если с человеком, всегда будут сыты. И от волка спасет, и от медведя.

Вася достал из-под шкуры на нартах упругий, плетенный из тонких ремней аркан. Улыбнулся:

— Работа нас кормит и веселит.

Скинул меховую малицу, остался в пиджаке. Вот он соскочил с нарты и с ходу метнул аркан в самую гущу убегающих оленей.

Охватив себя за пояс арканом, Вася упирался обеими ногами, почти лежа на земле. Я подбежал к нему.

— Давай поддержку!
Концом аркана захлестнул себя за пояс и уперся покрепче. Но олень дернул, уронил меня и потащил. Перебирая аркан руками, Вася пошел к оленю. Тот запрыгал еще выше. Выбрав момент, Вася схватил его одной рукой за острый рог, другой за морду. Крутнул, прижал голову к земле и сбил его с ног. Олень попался очень сильный и продолжал вырываться.

— Держи! — скомандовал Вася. Он связал переднюю и заднюю ноги оленя, чтобы тот не убежал, и похвалил: — Сильный бык, хорошо будет в упряжке ходить.

ПУРГА

Старый олень-вожак закружился, путая упряжку, с тревогой посмотрел на меня, словно хотел предупредить, и лег. Я его не понимал, а пастухи заговорили между собой быстро и тревожно.

— Стадо в кучу ложится, пурга будет, — объяснил мне Вася.

Небо быстро потемнело. Внезапный ветер со стороны Карского моря ударил резко и сильно.

— Кар-р... Кар-р... — услышал я наверху.

Костан проследил, куда они улетели, сказал:

— Ночью нападут волки. Так вот кто кормит ворон — волки!

— Стадо надо укрепить, — сказал бригадир, и решено было остаться.

Ночевка в тундре для них была привычным делом. Боялись они только за меня и даже хотели с кем-нибудь отправить в чум. Но ехать в пургу еще опаснее, чем остаться. К тому же я одет теплее, чем любой из них.

Перекрывая вой ветра, Костан заорал:

— За камень!
Ветер сек безжалостно. Стало трудно дышать. Прикрывая лицо рукой, я вел своих оленей.

К камню, торчащему из сугроба как огромная пика, пастухи накрепко привязали нарты

Это оленевод Вася Хозяинов, с которым я подружился.

и получился закуток. Снятые с сидений шкуры постелили на снег и легли. Я тоже лег. Пусть меня заносит снегом.

— Хэ-э-о!.. Хэ-э-о!.. — кричал дежурный пастух. Олени шли на этот крик и ложились вокруг.

Вдруг свирепый пес Юджид залился злобным лаем.

— Волки идут, — сказал Костан. — Сейчас прогоним.

Как можно было что-то различить в этой круговерти, я не знаю. Пастухи тут же пропали в бушующей снежной каше. Потом в густой темноте неба что-то слабо засветилось.

— Волков встретили, из ракетницы стреляют, — сказал оставшийся пастух.

— А волки боятся?

— Нет, уже привыкли.

Я нащупал в кармане складной нож.

Вспышки стали короткие, будто стреляли не вверх, а прямо.

— Близо, дерутся, наверно, — сказал пастух и снова протяжно закричал, чтобы олени слышали человека и не ушли.

Появился Костан.

Я спросил:

— Где волки?

— Испугались, ушли, — был ответ.

Утром пурга утихла.

Карское море затянуло темным густым салом. Чайки, не качаясь, ходили по нему и, наклоняя голову, смотрели на свое отражение. Как огромные листы белой бумаги, по морю были разбросаны молодые угловатые льдины.

ОСТРОВ БЕЗВЕТРИЯ

ПОВЕСТЬ*

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ

Рисунки М. Бычкова

*Что Вам угрожает,
молодые люди?*

За забором двое людей пилили дрова. Один — молодой парень, а другой — старик с совершенно белыми волосами.

Старик стоял к ребятам боком и не смотрел на них.

— Дедушка! Тебя спрашивают! — закричал парень и показал на ребят.

Старик сразу заулыбался, закивал.

— Сейчас, сейчас, прошу подождать, я схожу в дом за слуховым аппаратом.

Старик вернулся с микрофончиком в руке. Проводок от микрофончика тянулся за ухо.

Ребята стояли в растерянности. Наконец Максим решил, шагнул вперед и громким, хриплым голосом прокричал:

— Вы плавали на «Святом Петре»?

— Говорите, пожалуйста, тише. Мой аппарат не принимает громкие звуки, — попросил старик.

— Они спрашивают, плавал ли ты на «Святом Петре», — сказал парень, улыбувшись.

— На «Святом Петре»? — старик переспросил это почти шепотом. Было видно, как сильно он растерялся. — На «Святом Петре»? Откуда вы об этом узнали? И позвольте спросить, молодые люди, кто вам назвал мой адрес?

— Никто, — ответила Валя. — Мы его в справочном узнали.

— Что же мы тут стоим... Пойдемте в дом, там тепло. Там я постараюсь ответить на ваши вопросы. Предполагаю, что вас интересуют подробности этого несчастлившего плавания?

— Да, — ответил Максим, — интересуют.

— Я плавал на «Святом Петре»... — проговорил старик, когда все вошли в дом, сняли пальто и расселись в комнате на диване и стульях.

Валя тут же вытащила из сумки кассетный магнитофон «Спутник», который родители позволили взять с собой, и внутри магнитофона тихо зашелестела пленка.

— Но с тех пор прошло... — продолжал старик. — Игнат, сколько же с тех пор прошло лет? — спросил он у парня.

— Да семьдесят уже — не меньше.

— Семьдесят... — Старик помолчал. — Несколько жизней прошло с тех пор. Да, да, молодые люди, с тех пор я прожил несколько жизней.

Окончание. См. «Костёр» №№ 10, 11, 1979 г.

*Шесть жизней
Ивана Петровича,
рассказанные им самим
и записанные
на машинке Валей*

ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ ИВАНА ПЕТРОВИЧА.

Я плывал на зверобойных судах с шестнадцати лет. Об экспедиции капитана Палтусова узнал из газет.

На свои деньги я добрался из Архангельска до Петербурга, нашел капитана и сказал, что готов идти с ним вместе.

Юрий Тихонович не хотел набирать команду из случайных людей. С каждым он беседовал лично, а потом кандидата осматривал врач.

День отплытия «Святого Петра» был праздником для всех. Публика рукоплескала. На набережной играли два духовых оркестра.

И что удивительно — с первого дня на судне установился особый порядок. Обычно корабельные офицеры — капитан, штурман — обедают отдельно от низших чинов, не разделяют их грязную работу. Юрий Тихонович обедал вместе с нами, любил развлекать нас, простых матросов, забавными историями из жизни мореплавателей. Потом надевал робу и вместе с нами грузил бочки, тяжелые ящики, уголь. И в каждом деле был впереди. Но к порядку был он строг и спрашивал сурово со всех.

В ту навигацию только мы сумели пройти через Югорский Шар, но и то благодаря опыту и неусыпному дежурству нашего капитана.

Цель нашего плавания была необыкновенна. Пройти весь Северный морской путь из Петербурга до Владивостока за одну навигацию. И в тот момент, когда после многих усилий мы уже облегченно вздохнули, уверовав в победу, на судно налетел тайфун, и мы были унесены вместе с ледяными полями в никому неизвестные зоны полярного бассейна.

Обычно офицеры мало интересуются отдыхом команды. Матросы проводят время неразумно, в глупых играх и мелких ссорах.

Юрий Тихонович был другим. При свете керосиновой лампы он собирал команду в кают-компании за длинным столом и читал нам книги наших известных писателей. В другой день проводил занятия по навигации, штурманскому делу. И фельдшер и географ также постоянно проводили занятия.

Огромное ледяное поле окружало нашего «Святого Петра».

Юрий Тихонович вычислил, что если судно будет цело, то через два года нас вынесет к Гренландии.

И тут на нашем пути встал злосчастный остров.

В первые дни мы с удивлением смотрели на

густую тучу, севшую в десятке миль от нас прямо на лед.

Уже тогда Юрий Тихонович предположил землю. Была мягкая, спокойная погода. Юрий Тихонович при мне нанес остров на карту и назвал его Остров Безветрия. Когда на другой день задул ветер, он пошутил, что теперь уж названия не изменишь.

За ночь ветер стал штормовым, но тучи плотно сидели надо льдами, лишь однажды на минуту сделались разреженнее.

И тогда мы увидели обрывистые скалы, густо поросшие зеленью, а на скалах и в подзорную трубу и даже простым глазом можно было разглядеть удивительные постройки необычайной формы.

Наше ледяное поле уносило от острова, когда капитан Палтусов решил проверить виденное им и командой. Все это казалось ему невероятным — откуда среди полярного бассейна быть зеленому острову, да еще со странными постройками. Он взял сани, легкую лодку-каюк, продовольствия на четыре дня и вместе с добровольцами отправился в путь.

Я бы тоже пошел с ними, но мне он приказал остаться на судне и быть помощником фельдшера. Фельдшер же оставался за капитана, так как штурмана с нами не было.

С судна мы наблюдали за их продвижением. К заходу солнца они уже были вблизи от острова и скрылись в тумане.

Следующие дни судно относилось все дальше, а мы с нетерпением ждали возвращения нашего капитана.

Капитан не вернулся на четвертый день и на пятый.

Фельдшер, оставшийся за него, послал спасательную группу из пятерых людей. И опять я рвался вместе с ними, но фельдшер, как и капитан, велел оставаться на судне.

Через десять дней мы поняли, что и спасательная группа не вернется.

Тогда тайно, ночью, мы собрали снаряжение, а утром объявили фельдшеру, что уходим к едва видимому на горизонте острову и без капитана, или хотя бы известий о нем, не вернемся.

Фельдшер ответил, что пожертвовать собой — невелика заслуга, и коли так, он сам возглавит группу. А меня же, как своего помощника, оставляет стеречь судно.

Как я ругал себя за то, что не послушался его приказа, остался на пустом корабле, среди ледовых полей.

Группа ушла, но еще и на другой день я мог следить за ее продвижением к острову.

А потом она исчезла и не вернулась.

На судне остались лишь я да попугай Изабелла.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ИВАНА ПЕТРОВИЧА

Следующие два года тянулись дольше, чем вся моя жизнь.

Я ходил по пустым помещениям судна, приводил в порядок личные вещи товарищей. Сколько

раз мне мерещились их голоса, смех, и я опрометью выбегал на палубу, чтобы обнаружить, что по-прежнему судно пустынно, а я одинок. Порой мне казалось, что я уже мертв и брожу по мертвому кораблю в царстве теней.

Единственным человеческим голосом, который я слышал, был голос попугая Изабеллы. Когда я подходил к ней, она часто говорила мне:

— Милый мой, одни мы с тобой, совсем одни.

Если бы капитан Палтусов не занимался прошедшие полтора года моим умственным развитием, я бы, очевидно, сошел с ума или бы покончил с собой. Теперь же я продолжал сам делать все наблюдения, отмечал курс корабля на карте.

Мне посчастливилось пристрелить медведя, пошедшего близко к кораблю, и я отрубал от него кусок за куском.

Медвежьим салом я отапливал свою каюту. Свежая медвежатина спасала меня от цынги.

На второй год обогреться стало нечем, уголь я берег для машины, а керосин кончился. Я разбирал многочисленные, не нужные теперь переборки и сжигал их в своей печурке.

Юрий Тихонович был прав, ледяное поле вместе с кораблем медленно двигалось к Гренландии.

Наконец случилось то, о чем мы мечтали всей командой, собираясь в кают-компании у камина. Судно высвободилось ото льда.

Я уже давно подготовил машину к работе. Теперь я был и кочегаром, и капитаном, и палубной командой одновременно.

Я разжег топку, машина заработала, и на малом ходу я двинулся по курсу, который, как мог, проложил сам по карте, вспомнив все, чему учился у Юрия Тихоновича.

Я подбрасывал уголь в топку, выбегал на палубу, поворачивал руль, лавировал между льдинами. Снова спускался к машине, снова бросал уголь и опять опрометью бежал наверх.

Может быть, оттого, что земля была уже близко и я ослабил внимание, а скорее, просто от усталости, я заснул возле топки. Вдруг я почувствовал ужасный удар, меня бросило на стену, раздался громкий треск, какого я не слышал даже тогда, когда корабль сжимали полярные льды. Судно накренилось. Я выскочил наверх и понял, что корабля, моего надежного «Святого Петра», больше не существует. Надо мной возвышалась ледяная гора — айсберг. С ним и столкнулся «Святой Петр». А может быть, не столкнулся даже, но лишь подошел близко как раз в тот момент, когда айсберг переворачивался. Сейчас часть этой горы легла на корабль. Судно кренилось все больше под ее тяжестью, каждое мгновение оно могло перевернуться и затонуть.

К счастью, я привык заранее думать обо всем, и наверху у меня готова была небольшая лодка с провизией, спальным мешком. Я бросился вниз, схватил попугая Изабеллу, дневники капитана. Для того, чтобы взять что-либо другое, у меня уже не оставалось ни секунды. Я сбросил лодку в воду, сам прыгнул туда вместе с попугаем и портфелем капитана и едва успел отплыть полсотни метров, как «Святой Петр» перевернулся.

Через несколько минут на месте, где он только что был, плавали лишь два весла.

У меня не было уже никаких сил, чтобы бороться за жизнь. Некоторое время я лежал на дне лодки.

Потом я поставил парус и за два дня добрался до берега Гренландии.

Обессиленный, я бы не смог сам выйти, если бы меня не заметили местные жители — эскимосы. Они отвезли меня в поселок, уложили в хижине и несколько дней ухаживали за мной, не зная, кто я, откуда и как очутился у их берегов.

ТРЕТЬЯ ЖИЗНЬ ИВАНА ПЕТРОВИЧА

Постепенно я набирался сил, стал выходить из хижины. Я помогал эскимосам в их простой работе, научился их языку. От норвежских моряков, зашедших в поселок, я узнал, что в Европе война, а нас давно уже не ждут, считают погибшими.

Капитан предлагал бесплатно отвезти меня на материк, но странный страх охватывал меня, едва лишь я подходил к берегу. Мне казалось, что стоит кораблю отплыть, как его немедленно закуют льды и утащат в полярную ночь.

В портфеле были лишь личный дневник нашего капитана да фотографии его жены и ребенка. Я отправил известие о печальном конце экспедиции русскому посольству в Швецию, просил о спасательном судне, давал координаты Острова Безветрия, но не получил ответа. Быть может, письмо мое не сочли важным в то военное время и оно затерялось среди других депеш.

Скоро я женился на местной девушке, эскимоске, и стал жить обычной жизнью тамошних охотников и рыбаков.

Попугай Изабелла и портфель с дневником капитана Палтусова — вот все, что связывало меня с прошлой жизнью.

Из газет я узнавал, что в России происходят большие перемены. Но у меня уже были здесь семья, дети.

ЧЕТВЕРТАЯ ЖИЗНЬ ИВАНА ПЕТРОВИЧА

Прошло двадцать лет. Дети мои выросли и стали хорошими охотниками. А я превратился в настоящего эскимоса. По-русски я разговаривал лишь с Изабеллой.

Тамошние газеты мало писали о моей родине. Иногда я думал сплавать в Ленинград, разыскать семью капитана, другие семьи. Но едва собирался взойти на судно, как страх немедленно овладевал мной. Даже на полмили я боялся отойти от берега.

В сорок первом году я понял, что на Россию надвигается опасность. В ту зиму умерла моя жена, и я вновь стал одиноким. Я решил, пересилил страх, взял Изабеллу, портфель капитана и поднялся на судно.

Через две недели я уже был в Ленинграде.

Я пришел в тот же дом, куда приходил тридцать лет назад молодым искателем приключений. Жена капитана уже скончалась, а их сын жил

в той же квартире, ему было чуть больше тридцати.

У него была милая молодая жена, Вера Дмитриевна, и двухгодовалый сын, Николенька.

Я оставил им попугая Изабеллу. Хоть и была она моей подругой в трудные годы, но ведь принадлежала-то она капитану.

Попугай немедленно признал ребенка и принялся напевать ему слова колыбельной, которые лишь несколько раз повторила Вера Дмитриевна.

Оставил я им и портфель. Сын капитана, Николай Юрьевич, тут же сел читать дневники отца.

Мы договорились увидеться через месяц, но уже через две недели началась война.

Я жил у своего брата за городом. Николай Юрьевич навестил меня, сказал, что успел сделать с дневников отца две копии, а сами дневники оставляет мне и просит хранить их до победы так же, как я хранил их уже тридцать лет. Он был в военном, формировал батальон добровольцев. Больше я не видел его...

До победы портфель с дневниками Юрия Тихоновича сохранить не удалось. В наш дом попала бомба и после взрыва мало что удалось собрать.

ПЯТАЯ ЖИЗНЬ ИВАНА ПЕТРОВИЧА

Скоро на фронт ушел и я. Иначе зачем мне было бы покидать эскимосский поселок? Теперь же мне казалось, что дом мой стоял всегда здесь, в России, а те тридцать лет были лишь странным сном, кинофильмом, который больше не повторяется.

Несколько раз я попадал в госпиталь, снова возвращался на фронт и кончил войну на реке Эльбе.

ШЕСТАЯ ЖИЗНЬ ИВАНА ПЕТРОВИЧА

Шестая моя жизнь продолжается и сейчас. У меня есть дом и деревья, которые я сам посадил и вырастил.

Этот молодой человек — мой правнук, мой двоюродный правнук. Говорят, он удивительно похож на меня в молодости.

А сегодня пришли вы и, впервые за последние сорок лет, спросили меня о подробностях того трагического плавания.

Теперь рассказывайте вы. Все, что знаете о нем.

Был рад помочь Вам

— Мы прочитали дневники до того места, где капитан уходит на остров, — сказал Максим.

— Теперь вы понимаете, что на этом они и оборвались... — Иван Петрович помолчал. — Где вы нашли дневники, точнее, видимо, копию?

— В сундуке у нас дома, — стала объяснять Оля. — Моей бабушке в начале войны отдал ее сосед на сохранение.

— И точно такие дневники есть в Музее Арктики и Антарктики. Их принес молодой военный в начале войны.

— Видимо, это был сын капитана, Николай

Юрьевич. Он ведь мне говорил, что сделал две копии... Вам известно что-нибудь о его судьбе?

— Нет, — проговорил Максим.

— Жаль. Мы виделись с ним немного, но доброе сердце легко разглядеть сразу.

Прощаясь, Иван Петрович каждому уважительно пожал руку.

— Был рад помочь вам своими воспоминаниями, — повторил он на прощание несколько раз.

В электричке

Они ехали в город. В электричке было светло и пусто. Они сели на две скамейки, все вместе, и смотрели в окно. За окном была темень, мелькали деревья, дома с освещенными окнами.

И Оля подумала: как это удивительно получается — еще несколько недель назад все они были сами по себе и не очень-то интересны друг другу. А сейчас едут вместе в пустой электричке. И у них общая тайна, общее дело. Наверное, это и называется дружбой — когда люди делают общее дело.

Оля посмотрела на Максима: и она недавно считала его Злейшим Врагом № 1! Та недавняя Оля показалась ей сейчас наивной дурочкой. «Здорово, что мы едем вместе и дружим», — подумала она и чуть не сказала эти слова вслух. А если бы сказала их, то никто бы и не удивился, потому что каждый из них в эту минуту думал точно так же.

*Тышла
от Николая Талтусова*

Вечером Олины мама и папа рассматривали старинные фотографии в альбоме. Оля тоже любила их рассматривать.

В прабабушкином альбоме были открытки со смешными поздравлениями: «С рождеством Христовым», «С праздником святой пасхи». Так до революции прадедушка Оли жестянщик Савелий поздравлял прабабушку — кухарку Марусеньку. Потом была их общая фотография: прабабушка Маруся, молодая девушка в красивом длинном платье, и прадедушка Савелий — усатый кавалер в пиджаке, с галстуком «бабочкой», в сапогах с галошами и с тростью.

— Мама, ты так на прабабушку похожа! — каждый раз удивлялась Оля, и сейчас удивилась тоже.

Там же, в альбоме, лежало письмо от товарищей красноармейца Савелия к уважаемой Марии Степановне о том, что муж ее героически погиб в бою с махновскими бандами.

В другом альбоме были фотографии бабушки Зины и дедушки Бориса. Пионерский отряд, все коротко подстрижены, все в одинаковых футболках. Передние мальчишки прилегли на пол, следующие два ряда сидят, последний ряд стоит.

Один из лежащих мальчишек улыбался.

— Это твой дедушка, — объяснила мама. — Он

был весельчаком. Они с бабушкой вместе учились и вместе пошли на завод.

И точно — даже на фотографии с надписью «Бригада № 5 механического цеха» они были рядом, и дедушка улыбался.

Дедушка провоял всю войну, вернулся невредимым и веселым. Через год поехал их цех за грибами в лес на выходной. Дедушка больше всех шутил и пел смешные песни.

А назад ехали без него. Он подорвался в лесу на mine, оставшейся с войны. Через шесть месяцев родилась мама...

Сколько раз смотрела Оля эти старые альбомы с фотографиями и поздравительными открытками, и всегда лежали там два письма, сложенные треугольником. Под бабушкиным адресом на них было написано: «Вере Дмитриевне Палтусовой». Только сейчас Оля обратила внимание на фамилию, даже вздрогнула.

— Мама, откуда эти письма?

— С фронта. Ты же видишь — обратный адрес «полевая почта». Наш довоенный сосед писал своей жене.

Получалось, что Оля много раз держала в руках письма сына капитана Палтусова и не догадывалась об этом!

— Можно я их прочитаю?

— Что ты, Оля! — испугалась мама. — Чужие письма читать нельзя. Я сама их ни разу не читала.

— Теперь это не письма, а исторический документ эпохи, — сказал папа. — А документы читать можно.

Папа развернул письмо и стал медленно разбирать.

«Дорогой мой Николай Николаевич!» Надо же, — удивился папа, как будто мне написано это письмо. «Через несколько минут на нас пойдут фашистские танки. В бинокль видно, как они уже выстроились. Мы не отступим, но останемся ли жить — не знаю. У нас осталось по две гранаты, а у пушкарей почти нет снарядов. Как бы я хотел, чтобы это письмо было не последним! Как хотел бы написать тебе много писем, быть с вами, подбрасывать тебя в воздух, чтоб ты смеялся у меня в руках. Но времени мало, а надо сказать самое главное. Я уверен, ты вырастешь умным, добрым и смелым, как твой дед. Недавно я прочитал его дневники... Я знаю, ты воспитаешь своих детей так, что они будут помнить нас и продолжать наши дела. Потому что самое святое дело теряет смысл, если у него нет продолжателей. Помни меня и моих друзей. Знай, что сейчас мы отдадим наши жизни, чтобы жил ты и твои дети. Я пишу тебе, как большому и умному человеку. А тебе всего лишь два года! Если бы ты знал, как я мечтаю увидеть нашу победу своими глазами!

Твой отец, командир батальона Николай Юрьевич Палтусов».

— Вот видишь, — сказала мама. — Не зря мы храним в сундуке его тетради. Вдруг объявится сын. Прочитает и будет знать об отце.

— Да, — проговорил папа, осторожно складывая письмо, — это на самом деле документ эпохи. Его, пожалуй, в музей надо сдать, чтоб все читали и знали.

— А вдруг он не погиб в том бою? — спросила Оля с надеждой. — Он же второе письмо прислал. Папа развернул второе.

— «Милые мои Верочка, Николенька и Изабелла!» Изабелла, видимо, его родственница, — объяснил папа.

— Это попугая у них так звали — Изабелла! — Оля сказала и сразу смолкла.

— Попугая? — удивился папа. — У них тоже был попугай?

— Конечно, я вам говорила, — сказала мама. — К ним перед самой войной пришел странный человек и принес попугая. Изабелла — смешное имя для птицы, правда?

— «Нового адреса вашего у меня пока нет, потому пишу на соседский. Они люди добрые, передадут. Все думаю о вас, как вы доехали, как устроились. Понимаю, что вам нелегко, сейчас всем нам трудно, но как-нибудь перетерпим, а после победы наладим новую жизнь». Это письмо первое, — сказал папа и стал читать дальше: — «Завтра мы наконец занимаем позиции. Бойцы мои рвутся в бой, чтобы поддать фашисту как следует. За меня вы не беспокойтесь. Как говорили раньше — обут, одет, накормлен. Люди у меня подобрались боевые, в обиду друг друга не дадим. Ваш папа».

Нужен доктор Семенов

С Финляндского вокзала Максим вместе со всеми доехал до Владимирской площади на метро.

Но оттуда пошел не домой, а в музей, к Максиму Петровичу.

Максим звонил долго. Наконец дверь открылась, Максим Петрович через силу улыбнулся и проговорил:

— Проходи, браток. Что-то сердце мое не хочет работать. Еле дополз.

В комнате у Максима Петровича пахло лекарствами.

Он сразу лег на свой диван и спросил:

— Между валерьянкой и валокardiном есть разница, не знаешь?

Максим лекарствами не пользовался и о разнице не знал.

— Смешал то и другое вместе. Лежу, жду, может, помогут. Включай плитку, кипяти чай, если есть хочешь. На меня не смотри. И рассказывай, где был, что нового.

— Мы нашли Пахомова со «Святого Петра». Он живет в Тарховке, и сейчас мы были у него дома.

— Пахомова?! — Максим Петрович так удивился, что даже приподнялся, но тут же схватился за сердце. — Вот проклятое, поговорить не даст... Ты уверен, что это тот самый Пахомов?

— Так он же нам все рассказал, что дальше было со «Святым Петром». Мы на магнитофон записали.

И Максим пересказал сегодняшний недавний рассказ о шести жизнях Ивана Петровича.

К концу рассказа зритель разволновался.

— Парень ты мой милый! Да ты ведь новые страницы открыл. Самые настоящие новые! Михаилу Ивановичу завтра позвоним — удивится. Сотрудникам скажу. Такой находки у нас уже много лет не было!

Но о завтра говорить было рано.

— Ты знаешь что, — попросил смущенно Максим Петрович, — позвони моему знакомому, Лео-

ниду Григорьевичу. Никогда его не беспокоил, а тут придется. Позвони и ступай домой. Он полярный врач, и на Севере был, и в Антарктиде...

Максим нашел в телефонной книге телефон доктора Семенова Леонида Григорьевича и позвонил ему.

В первый момент Леонид Григорьевич не мог понять, кому и зачем он понадобился.

— Я из музея, от Максима Петровича, — стал объяснять Максим.

— От Максима Петровича! Так бы вы мне сразу и сказали! А что он сам не звонит? Может, в гости заедете?

— Он не может. У него сердце болит, и он просит вас к нему приехать.

— Сердце болит? — Голос у доктора Семенова сразу стал серьезным. — Сейчас я возьму такси, вы меня дожидитесь. Слышите? А он пусть лежит. Не позволяйте ему встать.

— Приедет? — спросил Максим Петрович, приоткрыв глаза. — Ну, иди домой, уже поздно.

— Я дождусь, он мне сам так сказал.

Максим Петрович закрыл глаза и не ответил.

Максим увидел такси в окне и открыл двери.

— Вот кто мне звонил! — удивился доктор Семенов.

Он вошел в комнату старика и сразу скомандовал:

— Лежать тихо, не шевелиться! Сейчас посмотрим пульс.

Он снял пальто, присел на диван и взял руку смотрящего.

Максим старался не шевелиться, чтобы не мешать.

Потом доктор Семенов послушал сердце и поднялся.

Веселым неестественным голосом он заговорил по телефону с какой-то Ниночкой, уговаривал ее быстрее приехать к старику, несколько раз повторил слово «кардиограмма».

— Уж не обманите нас! — кончил он разговор.

И как только положил он трубку, снова стал серьезным.

— Я в больницу не поеду, мне музей оставлять нельзя, — проговорил Максим Петрович.

— А мы о больнице пока и не говорим.

— Ты где живешь? — спросил он Максима.

— На Рубинштейна.

— И проводить тебя некому, — доктор покачал головой. — Старика оставлять боюсь. Похоже на инфаркт. Дома знают, где ты?

— Знают, — соврал Максим.

— Тогда сиди пока с нами. Может, понадобится. А потом, если все будет в порядке, я тебя отвезу.

— Леонид Григорьевич, — позвал из комнаты старик. — Что вы там секретничаете? Вы уж лучше вслух.

— До выяснения обстановки приказываю молчать! — скомандовал доктор Семенов. — Я по залам похожу, давно тут не был.

Доктор Семенов поднялся на второй этаж в зал Антарктики. Там он остановился у стендов с фотографиями.

— Смотри-ка, — сказал он Максиму, который

на несколько минут тоже поднялся в зал, — а Федя-то все еще бравый. А вот и дядя Дима, привет! — У фотографии «Демонстрация 1 Мая в поселке Мирный» он задержался надолго.

— Мои пациенты, — показал он Максиму. — И я сам с краешку.

Наконец приехала немолодая полная женщина в белом халате, с аппаратом в чемоданчике.

— Заранее вам спасибо, Ниночка, — сказал доктор Семенов. — Вы быстры, как молния.

— Инфарктный сегодня день, — объяснила она, — только и мечемся по городу. Сейчас сделаем кардиограмму и все скажем.

Максима они оставили в зале, потому что места в узкой комнате ему не было.

Максим ходил около дверей, в комнате негромко переговаривались взрослые, но он не вслушивался в их разговор.

Потом женщина вышла. Лицо ее было строго и торжественно.

— Машину вызову по радию, а вы следите за больным. Двигаться ему нельзя.

— Инфаркт, — сказал доктор Семенов, поморщившись, когда они с Максимом остались в зале вдвоем. — Ничего, вытаским старика, никуда он от нас не денется.

Максим Петрович время от времени открывал глаза и упрямо повторял:

— Сказал, не поеду. До девяти утра, пока сотрудники не придут, музей не брошу.

Была уже настоящая ночь, но Максим и не думал о сне, хотя прежде спал в это время.

Доктор Семенов нервно курил в зале, и Максим не знал, чем бы ему помочь.

— У старика сейчас адская боль, он только виду не подает.

Окна осветила фарами машина.

«Специализированная скорая помощь», — прочитал Максим.

Вошли два санитары с носилками.

— Максим здесь останется, ваш подшефный, — вдруг предложил доктор Семенов. — Подежурит до девяти. А потом в школу. Останешься ведь? Не боишься?

Максим молча кивнул, хотя и почувствовал страх.

— А я с вами поеду, помогу в больнице, если что...

Старик больше не спорил.

Доктор Семенов помог переложить Максима Петровича на носилки, и все они двинулись к выходу.

Машина снова осветила фарами окна, развернулась и исчезла.

Максим остался один во всем музее.

Тревога

В это время родители Максима не спали. Сначала у них был день как день — обычное воскресенье. Они привыкли, что сына их постоянно нет дома. Придет из школы, поест, уроки сделает быстро и куда-то уходит. А если дома, то тихо сидит в углу и рисует карты с маршру-

тами путешествий или читает книги о полярных мореплавателях.

При этом родители ссорились в свое удовольствие и Максима не замечали.

В воскресенье они хватились его за ужином.

— С утра не ел и хоть бы что, бродит где-то, — сказала мать. — А ты спокойно посвистываешь, и забот никаких.

— От такого обеда любой убежал бы — суп горячий, картошку пересолила, — ответил отец. — А заботы у меня есть, о новом проекте размышляю.

Так у них началась очередная, сороковая за этот день, мелкая ссора, и о сыне они на время забыли.

Потом, когда на улице совсем стемнело, отец и мать забеспокоились всерьез.

— Он тебе не говорил, может, к кому на день рождения отправился? — спросил отец.

— Если родному отцу не сказал, почему мне он должен говорить, — ответила мать.

И впервые отец не стал с ней спорить. Он надел пальто и вышел на улицу, просто подышать свежим воздухом. На самом деле, он вглядывался во всех приближающихся людей — не его ли это сын. Но сына не было.

Кремлевские куранты пробили по радио полночь. Сын домой не пришел.

— Надо что-то делать, — сказала мать. — Что ты сидишь сложа руки?

— Я не сложа руки, я переживаю. Я думаю, подождем еще полчаса и будем куда-нибудь звонить:

Они просидели полчаса друг против друга молча, часто оглядываясь на часы.

— Пойду звонить, — поднялся отец. Ему было страшно произнести вслух названия этих учреждений: милиция, больница.

Мать тихо заплакала.

— А все ты, все ты, споришь со мной, вот и создали ребенку ад, — сказала она сквозь слезы.

— Да и ты хороша! — Отец вздохнул, но продолжать не стал, а пошел снова на улицу к телефону-автомату.

Следующий час он то звонил в милицию и больничные приемные покои, то бегал домой — вдруг сын уже вернулся и пьет дома чай.

Ни в милиции, ни в больницах о Максиме Михееве, мальчике двенадцати лет, не знали.

— С кем хоть он дружил, ты не помнишь? — спросил отец.

— Не знаю, — ответила мать, по-прежнему плача. — Слышала от него про Олю Найденову.

К счастью, когда Максим учился еще в первом классе, на первом родительском собрании его отец сидел рядом с отцом Оли Найденовой. И отец Максима проводил отца Оли Найденовой до самого дома с грифонами, а потом зашел даже к ним на часок, посмотреть футбол по телевизору.

— Может, сходим к ним, вдруг они знают что-нибудь? — предложил он неуверенно.

И мать Максима не заспорила. Она только испуганно покачала головой:

— Поздно уже. Ведь завтра всем рано на работу.

О том, что им завтра тоже на работу, они уже не думали. Они думали только о сыне.

Они посидели еще около часа, напряженно вслушиваясь в каждый звук на улице.

Потом отец встал и сказал коротко:

— Одевайся, пошли.

Они шли по пустынной улице, и впервые за двенадцать с лишним лет оба теперь думали одинаково.

«Конечно, она права, это я во всем виноват. Нет, чтобы сказать доброе слово, уступить, когда надо. А я только спорю по пустякам. Ребенок должен любить семью. Его должно отовсюду тянуть домой. А он, наоборот, от дома бегаёт. Создали ему ад». И тут же молча он поклялся: «Только бы найти сына! Лишь бы встретить его здоровым и невредимым! И в семье начнется новая жизнь. Это от него — отца, мужчины — зависят мир и покой в семье».

Удивительно, но то же самое думала про себя мать. «Да, конечно, виновата она. Она женщина, мама. От нее должны идти покой, ласка и хорошее настроение. Только бы нашелся сын, и уж она сделает все, чтобы семья зажила по-новому!»

Удивительная экскурсия

Оля крепко спала, когда ее разбудила встревоженная мама.

Яркий свет бил по глазам. В клетке ворочался Орлик и недовольно командовал:

— Койки катать, на молитву становиться!

— Оля, Оленька, проснись, — повторяла мама.

Посреди родительской комнаты на стульях сидели отец и мать Максима.

Оля еще наполовину спала, когда вошла в комнату. Увидев ее, мать Максима заплакала, и Оля поняла, что случилось что-то страшное.

Тут ее стали расспрашивать о Максиме, потому что он не пришел домой.

И волей-неволей пришлось рассказать про Тарховку. Что они нашли Ивана Петровича, спутника капитана Палтусова, а его дневники хранятся в Музее Арктики и Антарктики, и точно такие же дневники лежат здесь, в сундуке.

Про все это родители слушали с удивленными глазами. А мама Максима даже перестала плакать и тихо ойкала от изумления.

— Может, он назад в Тарховку поехал к тому старику? — предположила она.

Оля отрицательно покачала головой.

— Я из метро пошла домой, а они все вместе — по Владимирскому проспекту.

— Одевайся и пойдем к другим, — решительно сказал Олин папа. — Кто ближе всех живет?

Ближе всех жила Валя.

Минут через пятнадцать шли уже в восьмером: шестеро родителей и Оля с Валей.

Разбуженный Миша сказал, что они зашли в магазин «Природа», а потом Максим пошел вдвоем с Олегом Саркисяном.

Родителей было уже так много, что они заполнили тротуар от края до края. Одинокий мили-

ционер на пустынной улице смотрел на них долго и пристально.

Олег сказал, что Максим собирался пойти к какому-то Максиму Петровичу и звал его с собой. Кто такой Максим Петрович — Олег не знал. Зато знала Оля.

— Он в Музее Арктики и Антарктики работает! И живет тоже там.

Теперь все ребята и все родители отправились к музею. Не хватало только Лиды и ее родителей.

Оля обвела всех вокруг старинного здания, подошла к служебному входу.

— Да вон же он! Я в окно его вижу! — радостно воскликнула мать Максима. — Сидит за столом и рисует!

Максим открыл дверь и, увидев среди ночи толпу родителей, испугался.

— Живой! — сказала его мать и в который раз заплакала.

А отец, наоборот, стал громко смеяться и повторять:

— Ну, и напугал! Всех на ноги поднял.

Максим закрыл вход и провел их в полутемный зал.

— Ты что тут делаешь, сынок? — спросила, наконец, его мать.

— Музей охраняю. Максима Петровича увезли в больницу, а я остался.

— Ты бы хоть нам позвонил, — сказал Олин папа, — а я бы сходил к вам.

— Господи, хоть валерьянки выпить, что ли. — Мать Максима накала в стакан валерьянки и добавила воды из графина.

Вслед за нею накапали себе и другие матери.

Отцы вышли в главный зал.

— Ну и что ты тут караулишь? Рассказал бы нам, — предложил отец Максима. Он считал себя главным виновником случившегося.

И Максим взял указку, зажег подсветку под экспонатами и стал вести экскурсию.

Он начал рассказ от первых новгородских мореплавателей-ушкуйников, от златокипящей Мангазеи, а потом говорил о Баренце, Лазареве, о Нансене и Амундсене.

Когда Максим стал рассказывать о капитане Палтусове, Галя объявила:

— Это мы вместе открыли.

— В истории капитана Палтусова еще много неизвестного, — кончил Максим и как-то по-особенному посмотрел на Олю и ее отца.

Пожалуй, такой экскурсии никогда еще не было в Музее Арктики и Антарктики. Со дня его основания.

С пяти часов ночи до семи утра родители и их дети плотной группой ходили вслед за двенадцатилетним экскурсоводом, хорошо им знакомым Максимом Михеевым, и, удивляясь, слушали о славных подвигах полярных исследователей.

Максим мог бы говорить и дальше, но тут зазвонил телефон.

— Максим? Все в порядке. Леонид Григорьевич говорит, — услышал Максим. — Все в порядке, говорю. Максим Петрович на реанимации, на восстановлении, так сказать. Главная опасность, я думаю, миновала.

— Хорошо попить хотя бы чаю перед работой, — предложил Олин отец, когда Максим передал всем, что именно сказал ему сейчас доктор Семенов.

Отец посмотрел на других родителей и добавил:

— А все-таки, дружные мы люди!

В этот день почти все звено опоздало на первый урок. Но, удивительное дело, их за это никто не ругал. Наоборот, класс ждал их с нетерпением. А директор школы встрчала у входа.

Еще бы! Директору школы позвонил директор музея и передал благодарность за то, что ее ученики дружно охраняли реликвии освоения Арктики и Антарктики.

Приглашение

В следующие дни все по очереди перебивали у Максима Петровича. Каждый нес с собой яблоки, пирожки, печенье, конфеты, варенье.

Кончилось это тем, что Максим Петрович временно запретил носить к нему съестное, а каждого приходившего стал сам угощать конфетами и яблоками.

...В субботу вечером в Олином доме раздался телефонный звонок. Трубку снял папа.

Пожилой мужчина просил позвать к телефону Ольгу Найденову.

— Это говорит Михаил Иванович. Ты, возможно, слышала обо мне от Максима Петровича.

И Оля поняла, что ей звонит известный профессор.

— Максима мне найти трудно, поэтому я звоню тебе. Максим Петрович рассказал мне о ваших последних разысканиях, — сказал профессор. — На следующей неделе, в пятницу, в шесть вечера, у нас научная конференция. Приглашаю вас всех вместе пожаловать к нам. Мы с интересом прослушаем ваше сообщение.

Оля положила трубку и почувствовала в папином взгляде вопрос.

— Михаил Иванович звонил, профессор, — объяснила она. — Приглашает на научную конференцию.

— Ты подумай! — И папа подмигнул маме. — Нашей дочери звонит профессор и приглашает на научную конференцию.

— Ну и что! Значит, заслужила, — серьезно ответила мама. — Нас, например, не приглашают.

— Вас тоже приглашают, — сказала Оля.

Письмо Максима

В воскресенье Оля зашла к Максиму. Ее встретил отец Максима в цветастом переднике. Он мыл на кухне посуду.

Мать Максима из одинакового материала в красный горошек шила на машинке три рубашки — две мужчинам и одну себе. Чтобы все видели, что идет одна семья.

Максим сидел в своем углу за письменным

столом и рисовал большую карту с маршрутом «Святого Петра».

Когда Оля сказала ему про научную конференцию, он деловито кивнул:

— Надо нам собраться и порепетировать.

— Может, ты один будешь, а мы слушаем.

— Будем все вместе, — не согласился Максим. — А сегодня часов в пять не выходи, пожалуйста, из дома. Родители твои куда не собирались? — спросил он с беспокойством в голосе.

— Никуда. — Оля не понимала, зачем он спрашивает.

— Как, уже новые тайны?! — удивился папа.

— Наоборот. Максим сказал мне, чтобы я вас задержала до пяти часов. А я решила не таиться, прямо так сказать.

— И правильно. Я, например, с удовольствием задержусь, мне надо над одним узлом для нашей «Бабушки» подумать.

— А меня специально и задерживать не надо, и так домашние дела держат, — отозвалась мама.

До пяти Оля ходила по квартире и не могла ни за что взяться. Что еще за гостей собирается привести Максим?

— Если соберутся, удержи. Очень надо. К вам придут интересные гости.

Что за гости, Максим говорить не хотел. А Оля допытываться не стала, раз секрет.

Если бы...

Если бы Оля в среду вечером ходила вслед за Максимом, она бы о многом догадалась.

Сначала Максим подошел к доске Почета на Загородном и пристально стал смотреть на фотографию Найденова Н. Н., сверяя ее с фотографией капитана Палтусова.

Потом он составил списки высказываний по пугая Орлика и попугая Изабеллы. Одни высказывания он подчеркивал красными чернилами, другие — вычеркивал вовсе.

Наконец, в субботу вечером он исчез из Ленинграда часа на три и вернулся довольным.

Знавали

Во время обеда Оля спросила:

— Папа, вы куда сейчас не пойдете?

Ровно в пять раздался звонок.

Оля побежала открывать. Одновременно с ней подошли к дверям папа из комнаты и мама из кухни.

Первым вошел Максим, а за ним седой Иван Петрович и его двоюродный правнук.

— Здравствуйте, проходите, пожалуйста, — говорил им папа смущенно, не очень-то понимая, что это за гости и зачем их привел Максим.

Гости степенно разделись.

— Сюда, пожалуйста, сюда, там Олина комната, — звал папа.

Но Максим повел гостей именно в комнату Оли. Седой человек сделал шаг, внезапно остановился, поглядел на Орлика и крикнул:

— Изабелла! Изабелла, моя дорогая!

Но Орлик не обратил на него никакого внимания.

— Изабелла! — снова позвал старик.

Орлик по-прежнему даже не смотрел на него. А глядел он на двоюродного правнука. И мелко-мелко дрожал. А потом странно подпрыгнул, взмахнул крыльями, радостно выкрикнул что-то непонятное, видимо, свое, птичье, и вдруг тоскливо проговорил:

— Милый мой, одни мы с тобой, совсем одни!

— Боже мой! Она принимает тебя за меня! — удивился старик.

Папа и мама замерли в недоумении, а потом папа пробормотал:

— Неужели... — и сел на сундук.

Это был первый случай в Олиной семье, когда валерьянка потребовалась мужчине.

Телеграмма

Потом, когда все сели за праздничный стол, папа несколько раз подходил к сундуку, касался его ладонью и повторял:

— Да, да, все сходится. Все удивительно сходится!

И мама тоже повторяла свое:

— Ты понимаешь, что мы с тобой должны были жить вместе, должны! Ведь ты был бы моим соседом.

Вечером, когда гостей проводили до метро, вернулись и мама с Олей легли спать, папа взял из старого альбома два фронтальных письма — два мятых, потертых треугольника, унес их на кухню и там в одиночестве несколько раз перечитал их.

Ведь это были письма его отца!

Потом он оделся и быстрыми шагами направился к почте. Там он взял бланк, составил такую телеграмму:

«Дорогие бабушка Аня и дед. Нашел своих родителей. Они погибли в войну. Приеду, расскажу подробности». И подписался: «Найденов-Палтусов».

Визит в школу

Через месяц в кабинет директора школы вошел крепкий, еще не старый человек в морском кителе.

Он назвал свою фамилию, и директор вспомнила, что недавно об этом человеке она читала в газетах. Он возглавит экспедицию на новом и мощном ледоколе, который только что построен в Ленинграде. Ледокол тот назвали по имени известного полярного исследователя «Капитан Палтусов».

— У вас учатся ребята-пятиклассники. Шесть человек...

— Я уже догадалась, кто вас интересует, — улыбнулась директор. — Сейчас кончится урок, и вы их увидите.

В перемену капитан договорился с ребятами о встрече.

Олины родители уже привыкли за эти недели, что вечером к ним в гости приходят незнакомые люди. Часто гостями были пожилые полярники, пожелавшие познакомиться с внуком известного капитана.

В этот вечер ребята показали моряку все записи, и кое-что он перенес в свой блокнот.

— Буду добиваться, чтобы ледоколу разрешили изменить курс. Хочу вплотную подойти к Острову Безветрия. А там... все может быть, — сказал он на прощание.

Странная тишина

Пришла Оля домой в радостном настроении. Уже от двери крикнула попугаю Орлику-Изabelle:

— Орлик, привет!

Но только не ответил ей Орлик. Не выкрикнул радостные слова.

В квартире была странная тишина...

Она вошла в комнату и увидела, что Орлик лежит на боку на дне клетки.

Сначала Оля подумала, что попугай шутит, притворяется.

Но потом поняла, что дни старого попугая окончились.

Ему было больше нечего делать в жизни людей.

Радиограмма

В мае, перед концом учебного года, наступила жара.

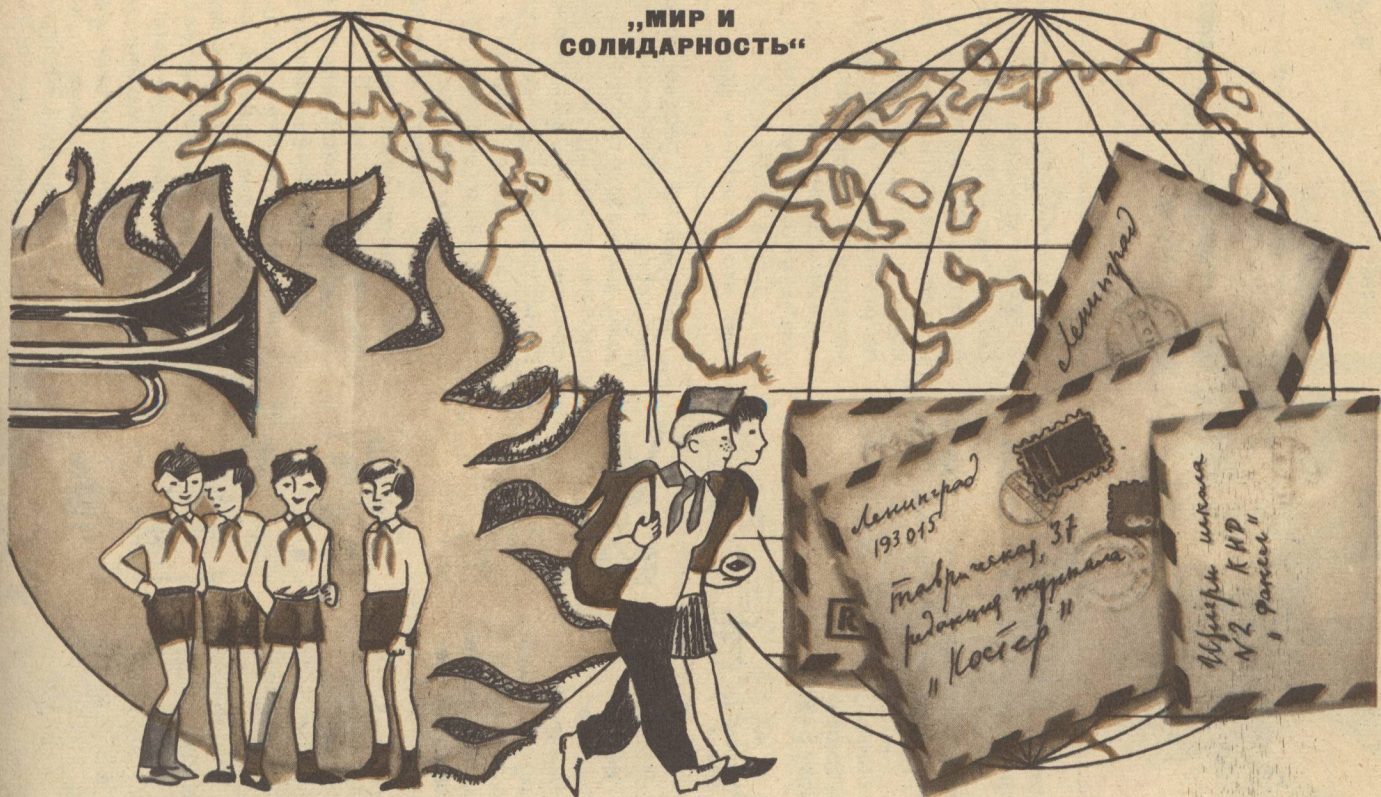
Цвела сирень, в классах сидели с открытыми окнами и шурились от яркого солнца. Девочкам разрешили ходить в школу в летних платьях с короткими рукавами, а мальчикам — в рубашках.

И в самые последние дни, когда уже все метки были выставлены, а учебники пройдены, в школу пришла радиограмма.

«Борт ледокола «Капитан Палтусов» — такой был у нее обратный адрес.

«Нахожусь в сутках пути от предполагаемого Острова Безветрия. Жду нетерпением высадки, неожиданных находок, встреч. Результаты сообщу непременно», — радировал капитан ледокола.

„МИР И
СОЛИДАРНОСТЬ“

„ФАКЕЛ“ ЗАЖИГАЕТ ОГОНЬ ДРУЖБЫ

В Щигровской школе № 2 Курской области любят свой Клуб интернациональной дружбы «Факел».

У КИДа богатая история. Началась она в тот день, когда пионеры получили письмо из Советского комитета ветеранов войны. «Дорогие юные интернационалисты! — было написано в этом письме. — Просим вас сообщить, сохранилась ли в Щиграх на городском кладбище могила испанских добровольцев, воевавших на Курской дуге и погибших во время бомбардировки фашистской авиации 7 мая 1943 года?»

Это было серьезное поручение. Ребята правильно решили, что надо расспросить старожилов.

Бомбежку помнили многие, но об испанцах никто ничего не мог сказать. Да и понятно: на воинских эшелонах транспарантов не писали. Кто и куда едет, было военной тайной.

Что же делать?

Побывали в райвоенкомате. Там к расспросам ребят отнеслись с пониманием, но сведениями об испанцах не располагали. Члены КИДа решили: раз в Советском комитете ветеранов войны известно об испанцах, погибших в Щиграх, значит, именно оттуда, из комитета, и могут помочь.

В комиссии по связям со школами при Президиуме Советского комитета ветеранов войны действительно работали испанские коммунисты Гарсиа Барейра и Фермин Гарсиа Карлос. В годы войны они воевали на Курской дуге. Испанские товарищи охотно сообщили подробности.

Состоялось заседание совета КИДа. Президент «Факела» Марина Купридо нарисовала на белом листе бумаги фиолетовыми чернилами подробнейшую схему привокзальных улиц, железнодорожного вокзала, путей, тупика, багажного отделения, не пропустив даже

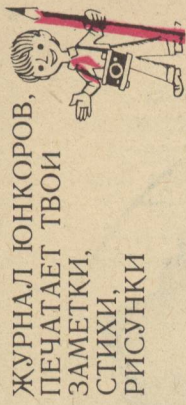
таких подробностей, как овраг, городской парк, высокую насыпь. Схему послали в Комитет ветеранов. Вскоре схема с пометками красными чернилами, 'сделанными рукой Гарсиа Барейра, вернулась в Щигры. Это были точные координаты. А некоторое время спустя в гости к ребятам приехали и сами испанские коммунисты Гарсиа Барейра и Фермин Гарсиа Карлос. На торжественном открытии мемориальной доски в честь испанских антифашистов Хосе Гонсалеса и Флорентино Фернандеса Гарсиа Барейра сказал:

— Вы нашли останки наших товарищей, захоронили в самом почетном месте, вы окружили их могилы любовью и заботой, покрыли их цветами...

Мы, испанские интернационалисты, говорим вам всем: «Большое спасибо!»

В. ТОГО
Рисунок Т. Капустиной

ПРАВА

Пионеры всей страны делятся с Лениной делами!

Слово юнкорам «Барабана», участникам рейса:

— Я часто вспоминаю пионерский рейс и своих новых друзей. Рассматриваю фотографии. Вот марширует Артур Сахлаян из Кировакана, Ильхом Махамов из Душанбе — очень веселый человек. А вот Мари-на Бондарчик из Минска, это — Женя Хаустов из Барнаула. У знамени стоит Лена Кесель, она из Волгограда.

По нашему теплоходу можно было изучать географию СССР, как по учебнику. В Ульяновске нас разбили на десять отрядов. И в каждом отряде были ребята из разных республик, краев, областей, городов. Это очень интересно!

Гульмира Султанова,
председатель совета 9-го отряда
дружины теплохода
«Александр Попов».

Активные участники Всесоюзного марша, посвященного 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, приняли участие в пионерском рейсе по ленинским местам.

Теплоход «Александр Попов» с пионерами на борту сердечно встречали в Ульяновске и Казани, Москве и Горьком, Костроме, Череповце и Ленинграде.

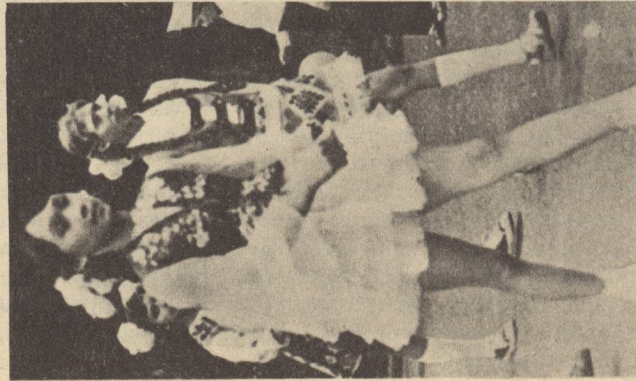
В жизни каждого отряда, каждой дружины этот рейс стал настоящей школой обмена опытом работы на Марше.

А сколько новых друзей дал ребятам этот рейс!

— Из своего города Спасск-Дальний никогда далеко не уезжала. Один только раз была в лагере. В дружине я замеситель председателя. Дел много. Каждый год на школьной пионерской радиолинейке отряды рапортуют о своих делах на Марше. Сразу видно, кто работает дружно, а кто спустя рукава. Больше всего мне нравится, как у нас проводят праздники мам и пап — самые замечательные праздники. К 8 Марта мы сами готовим угощения. 23 февраля в отряды приходят наши отцы — рассказывают о себе и своей профессии. Мой папа тоже был приглашен в гости. Он работает механиком.

Лена Зяич,
Приморский край

Гульмира Султанова
и ее подруги

— А я приехал из Могилева. В своей дружине — знаменосец. У нас в семье это вроде бы традиция. Брат Саша, ему сейчас двадцать, был знаменосцем. Отец, когда служил в погранвойсках, тоже был знаменосцем. Теперь вот я.

Конечно, никак не думал, что меня выберут председателем штаба теплохода. Не считая, что достойнее других. Но вот... vybrali.

Запомнился первый отрядный сбор в Ульяновске. Каждый рассказал о себе, своем городе, своей дружине. Наша дружина носит имя Кирилла Прокофьевича Орловского, Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда. После войны он вернулся на родину, в колхоз «Рассвет», стал председателем, возглавлял хозяйство. В 1969 году Кирилл Прокофьевич умер. Колхоз уже был к тому времени миллионером.

Мы дружим с колхозом, с семьей Орловского. Бываем и в гостях, и с концертами ездим. Собрали библиотечку книг для сельской школы. Можно даже назвать ее библиотекой, ведь собрано около семисот книг.

Андрей Шебаршов,
школа № 30,
8-й класс,
Мозильев

ПОЧТА БАРАБАНА

В нашей школе свои трудовые традиции. Каждый отряд имеет трудовой паспорт, каждый пионер и комсомолец — трудовую книжку. Большая дружба у нас с шефами Костромской ГРЭС. На ГРЭС мы провели тридцать трудовых десантов. Что делали? Убирали территорию, работали в теплицах, сажали деревья. Поездка на ГРЭС — всегда праздник. Днем работаем, а вечером... Вечером бывает очень здорово: проходят спортивные соревнования, загораются костры. У каждого отряда — свой костер.

Ира Куликова,
школа № 38,
Кострома

Я давно решил стать кинемехаником. У нас в школе свой телецентр. В каждом учебном кабинете — телевизор. Можем принимать учебные телепередачи, а директор, если захочет, может связаться по телевизору с каждым классом. Есть у нас кинозал и кинолекторий. Киномеханики, кассиры, контролеры и кинолекторы у нас — сами ребята.

Андрей Журавлев,
школа № 35,
Кострома

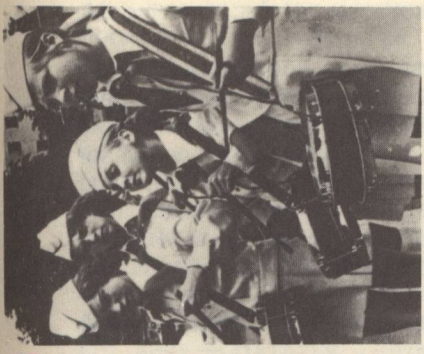

Однажды по телевидению я услышал выступление известного ансамбля народных инструментов «Саундж». Меня поразило голос свирели-саламурия. Он напоминал пение соловья, которого я слышал в селе у дедушки.

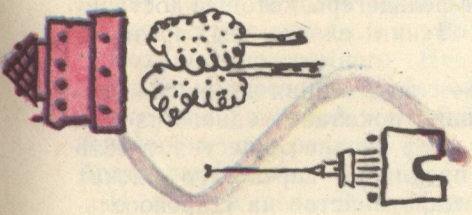
В музыкальной школе я учился на фортепиано, потом на кларнете, играю также на саксофоне. Но когда к нам в ДПШ приехал из Тбилиси учитель Бицико Лежава, чтобы организовать ансамбль народных инструментов, я взял первый раз в руки волшебную саламурию. И теперь не расстаюсь с ней. Эта простая «дудочка» из орехового дерева с прорезями может заколдовать. В нашем оркестре «Накадули» звучат и диллипидо-барабан, и пандури, и даира. Но голос моей саламурии слышен в любой народной песне.

Давид Киквидзе,
8-й класс,
школа № 3,
Цхалтубо,
Грузинская ССР

Участники ансамбля народных инструментов из Тбилиси

Юные барабанщики — участницы пионерского рейса

— Живу далеко от Волги и раньше никогда ее не видела. Мне понравились все города, которые мы узнали. Но больше всего все-таки Ульяновск, город, где родился Владимир Ильич. Здесь мы встретились и подружились, прожили три дня и отравились дальше. Часто вспоминаю трудовой десант. В парке Дружбы посадили две-три деревца. Я тоже посадила дерево и запомнила место. Может быть, еще вернуться сюда.

Диля Каримова,
город Термез

— Мама, я варежку связала!
— Да-а, красивая... Жаль, что на вторую нет шерсти...
— А я эту распущу, вот и будет!

Т. Гордеева
Прислала
из села Крохалево
Пермской области

— Максим, ты к нам пришел, у бабушки спрашивался?
— Спрашивался, спрашивался... Только бабушки не было дома...

Тетя Катя пришла к тете Нине. Но дома была только маленькая Наташа. Тетя Катя спросила: «А где твоя мама?» «Мама ушла давно-давно на пять минут к тете Марине».

Лена Кузнецова
из Брянска

Учитель:
— Назови круглый предмет.
Ученик:
— Голова.

Олег Добрынин
из Архангельска

Младший брат увидел несколько автомобилей «Москвич» и спрашивает: «Это машины одной породы?»

Света Инзова,
Ленинград

Учитель:
— Чем человеку помогают птицы?
Ученица:
— Они помогают нам клевать насекомых...

Бабушка:
— Витя! Не ешь варенье, зубы заболят!
Витя:
— А пчелы едят и у них не болят.

Прислала
Вера Смирнова
из города Пушкина

ПОВЕСТИ

РАССКАЗ

В. ГРУСЛАНОВ

Немало лет своей жизни посвятил я поискам документов и вещей, принадлежавших декабристам.

В те годы — незадолго до Великой Отечественной войны — мечтал я о создании музея «Южного общества» декабристов в городе Тульчине.

Кое-что мне удалось найти, хотя все относящееся к декабристам разыскивать трудно: после их арестов бумаги были захвачены жандармами царя Николая Первого, кое-что уничтожили сами декабристы. В ссылку, в далекую Сибирь взяли они немного: книги, одежду, личные вещи. Большая часть из всего этого после их смерти растерялась, разошлась почти без следа. Редко вдруг что-нибудь обнаруживается — письмо, медальон, перстень, выкованный из кандалов... Недавно, к примеру, была найдена серебряная ложка. На ручке — вензель «ВК». Ложка Вильгельма Кюхельбекера, декабриста и друга Пушкина...

Более всех, пожалуй, и давно уже занимала меня личность декабриста Михаила Сергеевича Лунина.

В самом деле, это был человек удивительный. Даже среди таких благородных, честных и смелых людей, как Пущин, Волконский, братья Бестужевы, Якубович, он выделялся. О его находчивости, хладнокровии, уме, силе воли ходили легенды.

Это был тот Лунин, о ком Пушкин писал в десятой главе «Евгения Онегина»:

Там Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры...

Какие же это были меры? И против кого? Зная, когда по Царскосельской дороге проезжает царь, Лунин предлагал напасть на него и заколоть кинжалом.

Михаил Лунин был сторонником самых решительных мер, чем был особенно страшен царю...

Когда декабристы вывели восставшие полки на Сенатскую площадь, когда царь из пушек картечью начал расстреливать их, когда пошли в Петербурге аресты, Лунина там не было. Он был в Варшаве, служил в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку и числился адъютантом великого князя Константина, брата царя.

Вести о неудавшемся восстании быстро дошли и до Варшавы. У Лунина было время бежать. Граница — рядом, несколько часов в седле, и он спасен, никакие жандармы его не схватят. Мало того, почти накануне ареста Лунин уезжает охотиться. Он вооружен, под ним выносливый и верный конь... Но он не бежит, возвращается

в полк, где его ждет фельдегер, который доставит его в Петербург. Лунин словно бы презирал опасность ареста.

А в Петербурге — следственная комиссия, допросы. Ему зачитывают показания одного из арестованных: «Лунин же в начале общества, в 1816 или в 1817 году, предлагал партией в масках на лице совершить цареубийство на Царскосельской дороге, когда время придет к действию прибегнуть...»

Те самые меры, о которых и напишет позже Пушкин.

Мысли о цареубийстве было достаточно, чтобы Верховный уголовный суд, назначенный царем, приговорил Лунина по 2-му разряду, что означало «политическую смерть и вечную каторгу». Некоторые сенаторы требовали для него смертную казнь и даже четвертование. Окончательный приговор был — 20 лет. В огонь палачами были брошены ордена (за храбрость в сражениях с Наполеоном), эполеты (за отличную службу), мундир... Потом — снова каземат и — долгий, долгий путь в Сибирь...

О годах каторги в истории Михаила Сергеевича Лунина известно немного. Самое удивительное, пожалуй, дело о готовившемся побеге, о чем вспоминал потом декабрист Розен: «М. С. Лунин сделал для себя всевозможные приготовления, достал себе компас, приучал себя к самой умеренной пище: пил только кирпичный чай, запаса деньги, но, обдумав все, не мог приняться за исполнение: вблизи все караулы и пешие и конные, а там неизмеримая, голая и голодная даль. В обоих случаях удачи и неудачи, все та же ответственность за новые испытания и за усиленный надзор для остальных товарищей по всей Сибири...»

Лунин рассчитывал добраться до Амура, по Амуру спуститься к острову Сахалин, а оттуда, захватив небольшой парусник, переправиться в Японию...

Не трудности и опасности побега остановили, конечно, Лунина, а наказание оставшихся товарищей.

После многих лет каторги заключения Лунина не закончились. На поселении он начал писать сочинения против самодержавия и крепостничества.

Сочинения эти в виде писем к сестре Екатерине Уваровой он переправлял в Петербург. Переписанные много раз от руки, они попадали ко многим людям...

На него донесли. Снова жандармы и снова арест. Уже почти на свободе и — снова в кандалах. Его отвозят в Нерчинск, а потом в еще большую глушь, в Акатуйский рудник, по сравнению с которым Нерчинск можно было назвать земным раем. Здесь, рядом с убийцами и ворами, Лунин проживет еще несколько лет, а потом погибнет при совершенно таинственных обстоятельствах. Возможно, он был удушен по секретному приказу царя Николая Первого, боявшегося Лунина даже на каторге, даже в кандалах, за тысячу верст от Петербурга.

Вот какой человек меня занимал, и все относящееся к его жизни я и разыскивал в те годы...

Сохранилось немного. Имелись портреты Лунина, но портрета его любимой сестры, Екатерины Сергеевны Уваровой, не найдено. А она — самый близкий и доверенный человек, сделавший для брата так много...

И по сей день не найдены бумаги Лунина, исчезнувшие после его гибели. Личные вещи — самовар, стенные часы, кое-какие книги, одежда — все это было распродано с аукциона сразу после смерти Лунина, и их судьба никому неизвестна.

И, наконец, ничего не было известно о портрете некоей Натальи Потоцкой, о которой теперь и пойдет у нас речь...

Из ссылки, в 1839 году, Лунин написал сестре Екатерине:

«Раздобудь сведения о семье Потоцких из Варшавы: «Александр Потоцкий, оберштаб-майстер и т. д., и т. д., сын знаменитого патриота Станислава Потоцкого. Его жена Изабелла Потоцкая, его дочь — Наталья Потоцкая. Я желаю знать, что случилось с этой последней».

Кто же была эта Потоцкая? Польская девушка, которую Лунин любил, любил искренне и сильно. Он был русский офицер, она — дочь польского владельца замка, потомка Яна Собеского, разбившего когда-то турок. О красоте, уме, очаровании Натальи Потоцкой сохранились воспоминания ее современников.

Отыскать любой ее портрет было бы важно: ведь все, что так или иначе проливает свет на то время, когда жили декабристы, на людей, которые их окружали, и тем более на тех, кого они помнили, любили, — все это ценно и нужно исследователям.

Я обращался к ученым и хранителям музеев, в библиотеки и архивы, но никто и нигде не встречал портрета Натальи Потоцкой...

Как-то я приобрел старинный альбом с изображениями деятелей начала девятнадцатого века. Мне не терпелось внимательно его рассмотреть и, проходя через площадь Искусств, против Русского музея, я нашел пустующую скамью, сел и раскрыл альбом. Вскоре подошел неизвестный мужчина и, спросив разрешения, сел рядом. В руках он держал сверток, напоминавший по своему виду большого размера книгу.

Я продолжал перелистывать страницу за страницей, подолгу задерживая свое внимание на красочных изображениях людей давно минувшей эпохи...

Неожиданно мужчина обратился ко мне:

— Простите, что оторвал вас от рассматривания столь прекрасного альбома... Но я со стороны люблю ваш замечательный, старинный из-

данием... Вы, по всей видимости, художник? А возможно, искусствовед...

Я ответил, что не художник и не искусствовед. Так незаметно у нас завязался разговор. Он протянул мне руку:

— Меня зовут Григорий Александрович...

Это был мужчина довольно преклонного возраста. Хорошенький. Среднего роста. Скромно одетый. Говорил он чисто и красиво по-русски, и в нем чувствовался весьма образованный человек...

Он рассказал, что три дня назад приехал в Ленинград по важному для него делу. Прежде он жил в этом городе, но еще до революции. Окончил университет. Преподавал латынь и греческий. В 1913 году покинул Санкт-Петербург и уехал на Украину. Проживал в Киеве, Виннице. С тех пор в городе своей юности не бывал...

— Вот брожу, люблюсь красотой города, вспоминаю студенческие годы... Все меня радостно волнует... А вот дело мое стоит...

— Простите, — спросил я, — а какого рода дело?

— Хотел предложить ленинградским музеям кое-какие вещи... Был в Эрмитаже. Показывал. Мне сказали: нужна экспертиза. Но экспертная комиссия соберется через две недели... А я столько ожидать никак не могу... Пошел в Русский музей, но этот музей приобретает только то, что сделано русскими мастерами. Посоветовали отнести в Эрмитаж... Круг замкнулся. Времени у меня не так уж много, придется, наверное, возвращаться...

— И что же вы хотели предложить музею? — осведомился я.

— Кое-какие архивные бумаги и акварельный портрет... — Подумав мгновение, он принялся разворачивать свой сверток, а когда развернул, я

увидел изумительный, выполненный акварелью, гуашью и карандашом портрет молодой женщины. Портрет был в специально изготовленной уникальной раме из редких пород дерева, с резанным замысловатым орнаментом из серебра и бронзы. Два герба венчали раму.

— Да, — сказал я, — такой вещи место действительно в музее. Дивный портрет...

— Конечно, — согласился Григорий Александрович. — Тем более, что это портрет Натальи Потоцкой, чье имя, быть может, вам и ни о чем не говорит, но тем не менее...

— Натальи Потоцкой! — вырвалось невольно у меня. — Да вы понимаете, что у вас в руках? Историкам не известны ее изображения... Лишь по описаниям мы знаем, как красива была эта молодая женщина... Декабрист Лунин писал о ней, вспоминая ее в Сибири, на каторге: «...Двойной блеск юности и красоты...»

Григорий Александрович внимательно смотрел на меня, но я, вероятно, ни на что не обращал внимания...

— Так вот какая была она, — пробормотал я, — Наталья Потоцкая. Что же за гербы на рамке?

— Справа — Потоцких, — отвечал Григорий Александрович. — Слева, я думаю, польского магната Сангушко, за которого в 1829 году Наталья Потоцкая вышла замуж. Умерла она год спустя...

— В те годы Михаил Лунин был уже в Сибири и ничего не знал обо всем этом...

— Может быть, и узнал, но гораздо позднее, — сказал Григорий Александрович. — Дело в том, что после смерти жены Сангушко участвовал в Польском восстании 1830—1831 года. Был арестован и пошел в кандалах в Сибирь, в те места, где томился Лунин...

— Откуда вы все это знаете? — спросил я.

— Я дальний потомок Потоцких, — отвечал Григорий Александрович.

Мы помолчали. Я снова взял в руки портрет Натальи Потоцкой и долго всматривался в лицо удивительной прелести...

— Простите, — сказал я, — пока вы не передали портрет музею, не могли бы вы позволить мне сделать с него фотографию.

— Пожалуй, — сказал Григорий Александрович. — Я вижу, что вы серьезно всем этим интересуетесь. Я мог бы вам показать письма и бумаги из архива Потоцких. Они у меня в гостинице. Где и как вы могли бы сделать фотокопию?

— Если удобно, — сказал я, — то можно у меня дома. У меня есть фотоаппарат. Иногда я переснимаю необходимые мне для работы документы, рисунки, страницы старинных книг...

— Где вы живете? — спросил Григорий Александрович.

— Не так далеко отсюда... На бывшей Пантелеймоновской улице, ныне улице Пестеля...

— А, знаю... Против храма в память Гангутской победы 27 июня 1714 года...

— Сразу можно узнать настоящего старого петербуржца, — сказал я.

Мы условились о времени на следующий день, когда Григорий Александрович навестит меня, и мы расстались.

На следующий день в условленное время я поджидал Григория Александровича на улице, возле дома. Время шло. Более двух часов простоял я у ворот, всматриваясь в лица проходящих мужчин, кого мог бы признать за Григория Александровича. За это время я многое передумал. Что могло случиться? Ведь я не знал даже названия гостиницы, где он остановился... А может быть, по неизвестной причине он решил отказать мне в моей просьбе? Все могло быть. Весь день я был в подавленном состоянии. Неужели я больше никогда не увижу портрет?

Прошел и второй день. Наступил третий. Встал я как обычно рано. Позвонил на работу, предупредив, что приду с опозданием или вовсе не явлюсь по неотложным обстоятельствам. В девять утра вышел на улицу. Снова внимательно вглядывался в лица прохожих. Поднялся к себе на седьмой этаж, позавтракал. Узнал у соседей, не спрашивали ли меня? Вновь спустился на улицу. Простоял там до двух часов дня. Решил больше не выходить. И вдруг около трех часов раздался звонок в квартиру. Я быстро подошел к двери и, открыв ее, увидел перед собой Григория Александровича. Трудно описать, как я обрадовался! Григорий Александрович извинился, что не мог прийти: «Прихворнул, знаете ли... Сердце сдает...» Он положил на стол объемистый пакет и принялся с увлечением просматривать и перебирать книги моей библиотеки, поражаясь подбору изданий, посвященных деятельности декабристов. Узнав, что я мечтаю о создании музея в Тульчине, он спросил, известно ли мне, что неподалеку от Тульчина были поместья Потоцких?

— Здесь, в пакете, — переписка, относящаяся именно к этим поместьям... Девятнадцатый век... Бумаги на польском, русском и французском языках. Деловые документы. Для вас много любопытного...

Мы принялись просматривать отлично сохранившиеся письма, написанные разными почерками, на белой, голубой и розовой бумаге. Григорий Александрович, свободно владея языками, быстро прочитывал и переводил.

Незаметно наступил вечер. Я заторопился и, извинившись, принялся готовить фотоаппаратуру, чтобы переснять портрет. Григорий Александрович остановил меня.

— Знаете, — сказал он, — я очень рад, что познакомился с вами. И вот что я хочу вам сказать. Видя ваш искренний интерес ко всему, что касается декабристов, видя вашу любовь ко всему этому, я передумал: решил подарить портрет вам. И не возражайте! Вам он нужен. Много лет вы искали портрет... Теперь берегите, как берег его я. Когда придет время, передайте в музей.

Вот так, неожиданно, портрет и оказался у меня... Многие годы сохранял я его. И совсем недавно передал Всесоюзному музею Александра Сергеевича Пушкина.

Рисунок В. Нефедовича

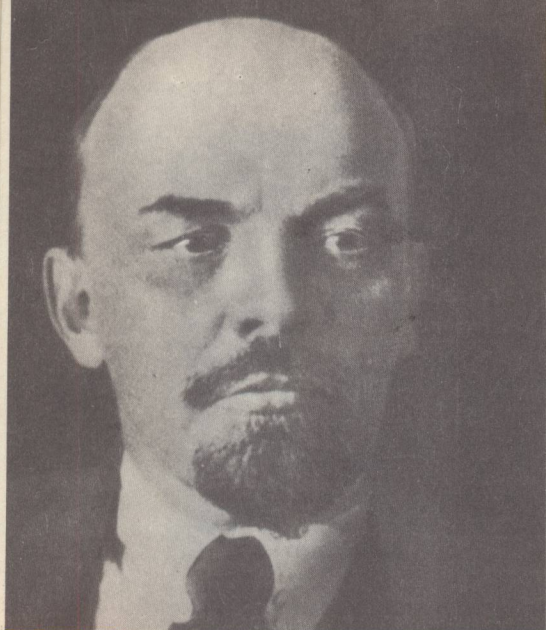

ГОД РЕБЕНКА

Василий ФЕТИСОВ

Чтобы в сказку ушли
царства злобы и тьмы,
чтоб все дети Земли
в детстве
были детьми,
просьбой всех матерей,
отводящих беду,
День защиты детей
установлен в году.
Рощи мирных олив
на Земле разрослись,
ветви тянутся вширь,
кроны тянутся ввысь,
сень цветущих ветвей
все растет и растет, —
ДЕНЬ защиты детей
превращается в ГОД.
ГОД РЕБЕНКА! —
Да, он
всей Землей утвержден!
Ради счастья детей
он весной напоен.
На эмблему его
подойди — погляди:
Мать Земля
Мир Детей
прижимает к груди.
Чтоб не ведали дети
страданий и мук.
Чтоб не видел никто
их протянутых рук.
Чтоб спешили к друзьям —
пошуметь, помечтать.
Чтобы смели желать
над планетой летать.
Солнцем залита ширь!
МИР!
Он дорог и свят!
Мы — хранящие мир —
призываем ребят:
Собирайтесь тесней!
Как ручьи в русла рек!
Мы
защиту детей
учредили навек!

СЕРДЦЕМ И ИМЕНЕМ

ПОИСК ЮНКОРОВ И СЛЕДОПЫТОВ „КОСТРА“,
ПОСВЯЩЕННЫЙ 110-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА

У нас в Кирове живет очень интересный человек — Александр Дмитриевич Шавеко. Александр Дмитриевич — ветеран труда и ветеран Великой Отечественной войны. А давным-давно, в детстве, он ездил в Москву, к Ленину. Вот его рассказ:

«Это было в 1923 году. Тогда кто-то из моих товарищей предложил сделать подарки для Ленина и Крупской, отвезти их в Москву и рассказать Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне о жизни первых вятских пионеров. Предложение понравилось всем. В работу включились не только ребята нашего детдома, но и пионеры многих школ Вятки. Потом стали думать, кого же послать в Москву. Неожиданно выбор пал на меня. Почему мне была оказана такая честь? Скорей всего потому, что я старался хорошо выполнять все свои пионерские поручения и считался прирожденным оратором.

В Москву отправился вместе с двумя славными женщинами-большевичками — Зоей Ромишевской и Зиной Прищепчик. К сожалению, отчества их я сейчас запямятовал: Помню, вышел в Москве из вагона, увидел вокруг большие дома — у нас в Вятке таких тогда не было — и сразу стал искать самый большой дом. Я считал, что Ленин живет в самом большом доме.

В Москве я жил целых две недели и каждый день думал

о предстоящей встрече. Но встреча эта почему-то откладывалась. Мои сопровождающие объяснили, что Владимир Ильич и Надежда Константиновна очень заняты, и, чтобы я не скучал, ежедневно возили меня на экскурсии. Был я тогда в Третьяковской галерее, в Большом оперном театре, однако больше всего мне нравилось бывать в Кремле. Помнится, как увидел Царь-колокол, сразу же в него залез. Очень уж хотелось все в нем посмотреть и пощупать. Хотел залезть и в дуло Царь-пушки, но меня тут же за штаны обратно тянут: «Измажешься, а тебе еще выступать сегодня».

Действительно, в тот день от имени вятских пионеров я должен был приветствовать делегатов Второго всероссийского съезда по ликвидации неграмотности. Это свое выступление я никогда не забуду. Выхожу к трибуне и, как обычно,

громким голосом стал говорить заранее подготовленную речь. И тут в зале засмеялись. Думаю, что такое? Наверное, они меня не слышат? Стал еще громче говорить. А в зале уже сплошной хохот. Что делать? Но сразу же кто-то из президиума подошел ко мне и поставил на трибуну. Оказывается, в зале меня не видели: ростом я был маленький, а трибуна высокая, — вот и смеялись. Так, стоя на трибуне, я и заканчивал свою речь.

Был я тогда и в ЦК комсомола, и в ЦК МОПРа, так называлась Международная организация помощи революционерам, где рассказывал о делах вятских пионеров. Тогда же в одном из журналов была напечатана статья «Вятская дружина юных пионеров и работницы». А рядом со статьей — моя фотография и подпись: «Делегат-пионер из Вятки, прибывший в Москву с подарками

На этом снимке Саша Шавеко, он — в центре. Снимок сделан в 1923 году.

Ленину и Крупской». Но я об этом вспоминаю не потому, что меня напечатали в журнале, а потому, что в подписи сделана ошибка: подарки, с которыми меня снял фотограф, были не для Владимира Ильича и Надежды Константиновны, а для МОПРа. Для Ленина и Крупской я привез другие подарки, которые хранятся в Центральном музее Ленина и в Доме-музее Ленина в Горках.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская с племянником Владимира Ильича Виктором и дочерью рабочего Верой в Горках

СЛОВО — ИСТОРИКУ

Признаюсь, рассказ Александра Дмитриевича Шавеко, записанный следопытами Кировского дворца пионеров, я читал с особым волнением. Такая уж это тема — Ленин и дети.

И вот что интересно: Александр Дмитриевич вспоминает, что он выступал на съезде по ликвидации неграмотности. В протоколе заседания съезда от 20 мая 1923 года об этом говорится так:

«Приехавший юный пионер... выступил на съезде и сказал: «Товарищи, я послан делегатом от губернской дружины далекой Вятки передать привет Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне Крупской... Вот эта работа... сделана детьми детского дома имени дорогого нам Ленина: сандалии, сапожки и туфельки. Вот эта картина сделана нашей седьмой группой пионеров детского дома имени Крупской. Не думайте, что эта картина нарисована одним лицом, она сделана коллективно. Нам очень хочется, чтобы эта картина висела в кабинете Н. К. Крупской. Вот эта стенная газета детского дома при школьном городке издана самими детьми, они просят, чтобы эта газета висела в кабинете Ленина и всегда напоминала ему, как хорошо живут пролетарские дети. Мы

А с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной я так и не встретился. И уже потом, став взрослым, понял, почему так произошло. Владимир Ильич был тогда тяжело болен, и врачи всем строго-настрого запретили его беспокоить...»

Рассказ А. Д. Шавеко записали следопыты Кировского дворца пионеров

очень просим президиум съезда передать все эти вещи.

Да здравствует Владимир Ильич и Надежда Константиновна Крупская! Ура!»

Просьба вятских пионеров была выполнена.

«Дорогие товарищи!

Большое спасибо за привет. Картину повешу у себя в комнате, а газету у Владимира Ильича. Я очень жалею, что не удалось повидать товарища, приезжавшего от вас на съезд по ликвидации безграмотности, и потолковать с ним. Я живу не в Москве.

Примите мой привет и пожелания всякого успеха в работе».

Это строки из письма Надежды Константиновны вятским пионерам. А в своей статье «О возникновении пионерской организации» она писала:

«...Пионеры Вятки, родины Сергея Мироновича Кирова, прислали в Горки Владимиру Ильичу, тогда уже тяжело больному, свои первые пионерские подарки — рисунки, цветы, разные поделки. Я поставила их в большой комнате верхнего этажа рядом с комнатой Ильича, и Ильич, когда проходил мимо, взглянет, бывало, на них и улыбнется...»

Вот, собственно, и все, что я хотел добавить к рассказу Александра Дмитриевича Шавеко.

А. КАЗАКОВ,
старший научный сотрудник
Центрального музея В. И. Ленина

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ ПНР?

КОНКУРС-ВИКТОРИНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В редакцию приходят письма от участников конкурса-викторины «Знаешь ли ты Польскую Народную Республику?»

Видно, наши читатели хорошо знают, что освобождали Польшу от гитлеровских полчищ объединенные силы Советской Армии и Войска Польского. На вопрос о времени образования ПНР все читатели «Костра» отвечают правильно.

Знают участники нашего конкурса и то, какие награды имеет столица Польши. Серебряный крест ордена Виртути Милитари V степени — за героизм, мужество и воинскую доблесть жителей города в борьбе с фашистами. Грюнвальдский крест I степени — за героизм в борьбе с оккупантами в 1939—1945 годах. Орден строителей Народной Польши — за огромный вклад в дело строительства социализма. Почетную награду Мира Варшава получила в 1951 году по решению Всемирного Совета Мира.

Во многих письмах ребята сами задают новые вопросы о ПНР. Наиболее интересные из них публикуем.

Есть ли в Варшаве улица или площадь имени Владимира Ильича Ленина? Когда она так названа?

Какие награды имеет Союз польских харцеров?

Есть ли у польских харцеров свои юные герои?

Какой значок носят польские комсомольцы?

В каких городах Польши есть музеи, рассказывающие о жизни Советского Союза?

Конкурс-викторина продолжается.

Ждем ваших вопросов, заметок, рассказов о дружбе с польскими ровесниками.

МЕДВЕЖОНОК ПО ИМЕНИ ПАДДИНГТОН

Майкл БОНД

Рисунки
М. Беломлинского

Если у английского мальчика или у английской девочки спросить, знают ли они медвежонок по имени Паддингтон, они ответят: «Еще бы не знать. Это тот самый медвежонок, которого семья Браун нашла в Лондоне на Паддингтонском вокзале. Он сидел на чемодане с биркой на шее, совсем один во всем Лондоне, где у него не было ни знакомых, ни родственников, потому что он приехал из Перу. Океан он переплыл, скрываясь в спасательной шлюпке, потому что у бедняги не нашлось денег на билет, а он очень хотел повидать свет».

Книжку о медвежонке по имени Паддингтон написал Майкл Бонд, веселый английский детский писатель.

ПАДДИНГТОН И „МАСТЕР СТАРОЙ ШКОЛЫ“

ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ

Итак, Паддингтон обосновался у Браунов и скоро стал полноправным членом семьи. Никто уже не представлял себе, как можно было без него жить. Медвежонок помогал по дому, и дни его пролетали незаметно. Брауны жили недалеко от улицы Портовая дорога, где находился большой рынок, и часто, когда тетя Гортензия была слишком занята, она разрешала Паддингтону самостоятельно ходить за покупками. Папа даже соорудил для него специальную продуктовую тележку — он приделал к старой корзине колеса и ручку, чтобы ее можно было толкать перед собой.

У Паддингтона был настоящий талант делать покупки, и скоро его уже хорошо знали все продавцы. Он очень серьезно и аккуратно относился к своим покупательским обязанностям. Например, он сначала всегда пробовал кочан капусты на крепость, как учила его тетя Гортензия, чтобы узнать, не вялый ли он. И скоро Паддингтон стал на рынке самым любимым покупателем, так что многие из торговцев припрятавали свои лучшие товары специально для него.

— Медведь приносит самые хорошие продукты и как дешево, — говорила тетя Гортензия. — Уж не знаю, как это у него получается, представления не имею. Не иначе как у него в ходу какие-нибудь не вполне честные фокусы.

— Ничего нечестного, — сказал Паддингтон возмущенно, — я просто выбираю, вот и все.

— Как бы там ни было, — ответила тетя Гортензия, — такие медведи на вес золота.

Паддингтон отнесся к ее словам очень серьезно и долго взвешивался на весах в ванной комнате. В конце концов он решил поговорить обо всем со своим другом господином Раритетом.

Паддингтон часто проводил время за разглядыванием магазинных витрин, а самая интересная была, конечно, в лавке господина Раритета. Во-первых, она была очень низкой, так что в нее можно было заглядывать, не становясь на цыпочки, а во-вторых, там стояла целая гора всяких интересных вещей. Старинная мебель, медали, чашки и вазы, картины — так много всего, что в лавке трудно было повернуться, и старенький господин Раритет обычно сидел на раскладном стуле прямо на тротуаре.

В свою очередь господина Раритета очень заинтересовал Паддингтон, и скоро они стали большими друзьями. Возвращаясь из очередной экспедиции на рынок, Паддингтон часто останавливался у антикварной лавки и беседовал о Южной Америке, где господин Раритет побывал еще совсем маленьким мальчиком.

Ежедневно в 11 часов господин Раритет пил какао с булочкой, и он стал часто приглашать Паддингтона на этот, как он говорил, «мой одиннадцатичасник».

— Нет ничего лучше приятной беседы за чашечкой какао, — любил повторять он, и Паддингтон, которому нравилось и то и другое, был с ним совершенно согласен, несмотря даже на то обстоятельство, что от какао его усы становились какого-то странного цвета.

Паддингтону очень нравились яркие, блестящие вещи, и однажды он показал господину Раритету свои перуанские сентаво. В глубине души он надеялся, что они, может быть, золотые.

Но после долгих размышлений господин Раритет сказал:

— Не все то золото, что блестит, господин Браун. — Он всегда называл Паддингтона «господин Браун» — выходило очень важно.

Господин Раритет посмотрел на медвежонка поверх очков.

— В этом мире, господин Браун, многие вещи не являются в действительности тем, чем кажутся, — сказал он печально.

Паддингтон вздохнул:

— Очень жаль, — сказал он. — Лучше бы они являлись. Это было бы так мило с их стороны.

— Возможно, — сказал господин Раритет таинственно. — Возможно. Но ведь тогда не было бы и приятных неожиданностей, не правда ли?

Он повел Паддингтона в лавку и, предложив сесть, на минуту скрылся. Вернулся он, неся в руках картину, на которой был нарисован корабль. Точнее, полкорабля, потому что на другой половине была дама в большой шляпе.

— Вот посмотрите, — гордо сказал господин Раритет, — вот, что я имел в виду, говоря, что вещи не являются тем, чем кажутся. Я хотел бы услышать ваше мнение об этой картице, господин Браун.

Паддингтон был, конечно, очень рад, что других интересует его мнение, но в то же время он явно был поставлен в тупик.

На картине был нарисован не то корабль, не то дама, и он так и сказал.

— Да, — отозвался господин Раритет удовлетворенно. — Сейчас это именно так. Но погодите, я ее почищу! Я приобрел ее много лет назад — тогда на картине был изображен плывущий корабль. И что вы думаете? Когда я на днях решил почистить ее, краска начала сходить, и я обнаружил внизу еще один живописный слой. — Он огляделся по сторонам и понизил голос. — Это еще никому неизвестно, — прошептал он. — Но я думаю, что нижний слой может оказаться очень ценным. Это, может быть, работа мастера старой школы.

Но видя, что Паддингтон все еще в тупике, он объяснил, что в старые времена, когда художники испытывали материальные затруднения и не могли приобрести холст, они часто рисовали прямо на старых картинах. А иногда оказывалось, что они рисовали на картине таких художников, которые потом становились великими. Но раз на этих картинах что-то нарисовано сверху, никто о них ничего не знает.

— Это все очень сложно, — сказал Паддингтон глубокомысленно.

Господин Раритет еще долго говорил о живописи — это был его любимый конек. Но Паддингтон, который обычно внимательно слушал все, что тот ему рассказывал, сегодня не слушал вовсе. Очень скоро, отказавшись даже от второй чашки какао, медвежонок слез со стула и отправился домой. Когда с ним здоровались, он механически приподнимал шляпу, но на его мордочке сохранялось отсутствующее выражение. Даже исходящий из кондитерской запах свежих булочек не смог привлечь его внимания. У Паддингтона появилась идея.

Придя наконец домой, он забрался наверх — в свою комнату и довольно долго лежал на кровати, задумчиво созерцая потолок. Он лежал так долго, что тетя Гортензия начала волноваться и даже заглянула в комнату, чтобы узнать, все ли в порядке.

— Спасибо, все нормально, — ответил Паддингтон рассеянно. — Просто я думаю.

Тетя Гортензия закрыла дверь и поспешила вниз — рассказать об этом всем остальным. Они восприняли эту новость со смешанным чувством.

— Я не возражаю, если он просто думает, — сказала мама. — Но если он придумывает что-нибудь, тогда беда.

Однако она была так поглощена уборкой, что тут же забыла об этом. Тетя Гортензия тоже была занята — вот как получилось, что они не заметили, как маленький шерстяной клубок скатился в папину кладовку под лестницей. Не видели они и того, как он вышел оттуда с бутылкой растворителя для краски и целой кучей тряпок. Если бы они заметили это, у них была бы основательная причина для беспокойства. А если бы, к тому же, мама видела, что медвежонок на цыпочках зашел в папин кабинет и плотно закрыл за собой дверь, у нее не было бы ни минуты покоя.

Но, к счастью, все были слишком заняты и ничего этого не видели. Еще лучше, что никто не заглянул случайно в кабинет. Потому что Паддингтон устроил там настоящий разгром! Просто все шло не так, как он задумал. Он даже пожалел, что так невнимательно слушал господина Раритета, когда тот рассказывал о чистке картин.

Во-первых, хотя он и вылил на картину полбутылки растворителя, краска вовсе не слезла, а просто пошла пятнами. А во-вторых, в тех немногих местах, где она все-таки сошла, внизу ничего не было. Только белый холст. Паддингтон отошел к стене и оглядел свою работу. Раньше на картине было нарисовано голубое небо и озеро с плавающими по нему лодками. Теперь же она скорее напоминала шторм на море. Лодок больше не было, небо стало грязно-серым, а половина озера просто исчезла.

«Хорошо, что я нашел коробку с красками», — подумал Паддингтон, возвращаясь на место. Он взял кисть и прищурил глаза, как делал настоящий художник, которого Паддингтон однажды видел. Потом он взял палитру, выдавил на нее немного красной краски и размазал ее кисточкой. И, наконец, беспокойно оглянувшись на дверь, он сделал несколько мазков по холсту.

Паддингтон нашел краски в шкафу под лестницей. Целую коробку. Там была и красная, и зеленая, и синяя, и желтая. Так много всяких цветов, что прямо глаза разбегались — какую выбрать?

Медвежонок аккуратно вытер кисточку шляпой и попробовал сделать несколько мазков другого цвета. Это было так интересно, что он решил попробовать все краски, и скоро уже совсем забыл о том, что принимался рисовать картину.

Вышла не совсем картина, а скорее узор из разноцветных черточек, кружков, квадратиков и точек. Паддингтон даже сам удивился, когда, наконец, отошел назад и как следует рассмотрел свою работу. От прежней картины не осталось и следа. Опечаленный медвежонок положил краски обратно в коробку, а картину убрал в футляр для холстов и прислонил его к стене — все как было. Он решил, что исправит картину как-нибудь потом, в другой раз, хотя рисовать ему больше не хотелось. Это, конечно, очень интересно, но только пока рисуешь, а смотреть потом просто противно.

Во время обеда Паддингтон молчал. Он был такой тихий, что мама несколько раз спрашивала,

как он себя чувствует, пока медвежонок вдруг не встал и, тихо извинившись, не ушел к себе наверх.

— Генри, я боюсь, что он нездоров, — сказала мама, когда Паддингтон ушел. — Он даже не прикоснулся к обеду, а это так на него не похоже. И у него на мордочке какие-то подозрительные красные пятна.

— Ого! — сказал Джонатан. — Красные пятна! Может быть, я смогу от него заразиться и тогда не нужно будет ходить в школу!

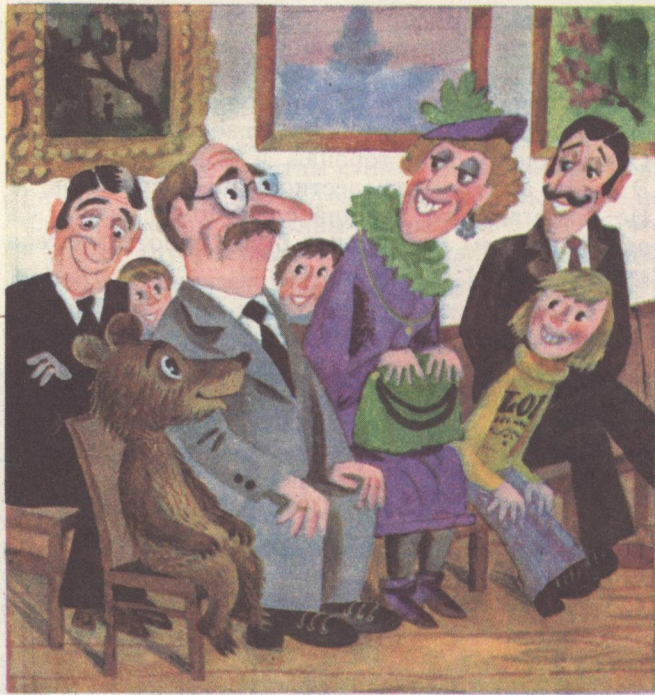
— На нем были еще и зеленые, — сказала Джуди. — Я видела.

— Зеленые? — даже папа забеспокоился. — Может быть, он действительно заболел? Если завтра ему не станет лучше, нужно будет послать за врачом.

— А он так мечтал пойти на выставку самодельных художников, — сказала мама, — так жалко будет держать его в постели.

— А ты, папа, рассчитываешь занять там первое место? — спросил Джонатан.

— В этом случае твой отец удивится первым, — ответила мама, — ведь он ни разу не занимал даже третьего места.

— А что ты нарисовал? — спросила Джуди. — Ты так и не расскажешь?

— Это сюрприз, — сказал папа скромно. — Я долго возился над этой картиной. А рисовал я по памяти.

Живопись была одним из многочисленных папиных увлечений. Каждый год он участвовал в выставке самодельных художников, которая проводилась недалеко от их дома. Жюри состояло из нескольких знаменитых людей, которые при-

суждали призы. Проводилось еще много разных соревнований, и все они были для папы сплошным расстройством, потому что он ни разу не получил даже третьего приза, в то время как мама дважды занимала первое место по вязанию ковриков.

— Все равно, — заключил папа. — Теперь поздно об этом говорить. Сегодня утром я уже сдал картину на обсуждение, а что из этого получится, проживем — увидим.

Следующий день оказался очень солнечным, и выставка была переполнена. Все были рады, что Паддингтон чувствует себя лучше. Пятна совершенно исчезли, а несъеденный вчера обед он прекрасно восполнил двойным завтраком. Только у тети Гортензии появились кое-какие сомнения, когда она обнаружила такие же пятна на полотнце в ванной, но она держала свои мысли при себе.

Брауны заняли середину первого ряда, чтобы лучше видеть жюри. Все очень волновались. То, что папа тоже занимается рисованием, было для Паддингтона полной неожиданностью, и он очень хотел увидеть картину, которую нарисовал его собственный знакомый.

Перед ними на помосте несколько важных бо-

родатых людей о чем-то спорили и размахивали руками. Было видно, что они говорят о какой-то особенной картине.

— Генри, — прошептала мама взволнованно, — мне кажется, они говорят о твоей. Это ведь твой футляр для холстов.

Папа был в недоумении.

— Это, действительно, мой футляр, — сказал он. — Но это как-то странно. Он весь в краске. Разве ты не видишь? Как будто кто-то положил

туда картину, когда краска еще не высохла. Но я-то нарисовал свою давным-давно.

Паддингтон сидел очень тихо, он смотрел прямо перед собой и боялся пошевелиться. Где-то в глубине желудка у него появилось странное щемящее чувство, как будто сейчас должно случиться что-то ужасное. Он даже пожалел, что смысл пятна краски, тогда бы он мог остаться дома, в постели.

Джуди толкнула его локтем.

— Что случилось, Паддингтон? — спросила она. — Ты как-то странно выглядишь. Может быть, ты заболел?

— Нет, я здоров, — тихо ответил Паддингтон, — просто мне кажется, что я опять попал в историю.

— Ой, — сказала Джуди. — Лучше плюнь через левое плечо. Вот так.

Паддингтон сидел, не двигаясь. Один из членов жюри, самый важный и самый бородатый, начал говорить. И тут... у Паддингтона задрожали лапы. На помосте, высоко поднятая, чтобы всем было видно, показалась его картина!

Он был так изумлен, что слышал лишь обрывки того, что говорил председатель жюри.

— Удивительная цветовая гамма...

— Очень интересно...

— Полет воображения!.. Талант...

И вдруг... От удивления медвежонок чуть не упал со стула.

— Первое место завоевал Генри Браун, проживающий по адресу: Виндзорские сады, 32.

Тут пришла очередь удивляться другим. Папа, которого попросили подняться на помост, выглядел так, будто его поразила молния.

— Но... это... — бормотал он. — Тут какая-то ошибка.

— Ошибка? — возразил бородатый. — Чепуха, дорогой господин Браун. На внутренней стороне холста стоит ваше имя. Вы ведь господин Браун, не так ли? Генри Браун.

Не веря своим глазам, папа снова взглянул на картину.

— Действительно, мое имя, — сказал он, — и почерк... — Он не закончил фразы и пристально посмотрел в толпу. Он кое-что начинал замечать, но только ему никак не удавалось поймать взгляд Паддингтона. Это всегда было трудно, когда появлялась такая необходимость.

— Я думаю, — сказал он, когда аплодисменты смолкли, — я думаю, что следует передать приз, который я получу, одному юному медведю, который сидит сейчас среди публики.

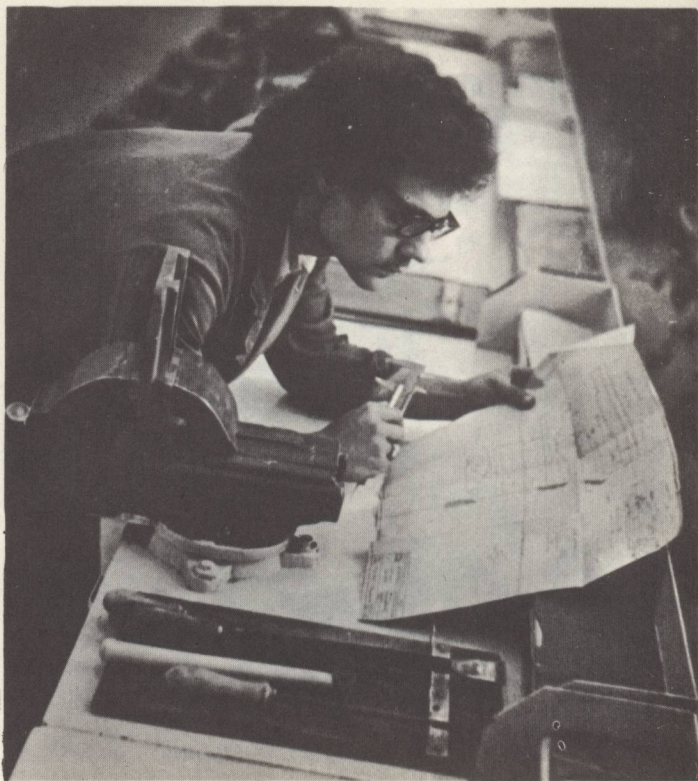
Волна удивления прокатилась по залу, и только один Паддингтон не удивился нисколько. Он встал, внимательно разглядывая картину и бородатого председателя жюри, который начал нервничать и покрываться потом.

— Я думаю, — сказал Паддингтон, обращаясь ко всем разом, — что можно было бы не ставить мою картину вверх ногами. Все-таки не каждый день медведь получает первое место в конкурсе на лучшего художника.

Перевела с английского
Е. ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ

ХОЧУ СТРОИТЬ АТОМОХОД

В гости к ребятам пришел Герой Социалистического Труда токарь Николай Алексеевич Коробов.

Слесарь — отличная профессия для мужчины, так считает Саша Копытко.

Леонид Чалпанов категорически не согласен с Сашей, он решил стать токарем.

В спортзале.

Фото В. Лозовского

— Ты должен стать настоящим мужчиной, — часто повторял Сашин отец.
Что значит — настоящий мужчина?
В пять лет отец привел его в школу.
— Мы не берем таких маленьких, — сказали им.

Саша настаивал.

На суровом экзамене, который был ему устроен, Саша Копытко не только читал стихи, но считал, умножал. В школу его приняли.

Саша подрос и решил, что мужчина должен быть сильным, не простужаться, попав под дождь. Он занялся плаванием. Получил первый разряд, его пригласили в сборную команду Таджикистана по ватерполо.

Сдав выпускные экзамены, Саша положил аттестат в спортивную сумку и впервые не согласился с отцом, сильно его огорчив.

— Поеду в Ленинград, в техническое училище, — сказал он. — Толя Махота из нашей школы уже год учится там, пишет, что рабочих готовят первоклассных.

— Кем же ты решил стать? — растерянно спросил отец.

— Поступлю в училище № 129 при объединении «Знамя Октября», стану судостроителем. Пора самому зарабатывать.

Отец вынужден был признать, что сын поступает как мужчина, все обдумал, принял решение и, не колеблясь, его выполняет.

В медицинской комиссии училища Саше неожиданно отказали:

— Для токарной профессии зрение слабое, принять вас не можем.

Саша сник. Но от цели своей не хотел отступить. Через два дня снова пришел в комиссию, спросил, нельзя ли поступить в группу слесарей.

Общежитие ему понравилось. Комната на двоих, рядом библиотека, столовая.

Двенадцать спортивных секций открылись в училище. Саша по-прежнему занимался плаванием. Но тут оказалось, что ежедневные долгие тренировки мешают учиться. Чем-то надо было жертвовать. Долго он думал, прикидывал и так и эдак и все же расстался с водной дорожкой.

К учебе Саша относился серьезно и оценки имел только отличные.

— Что ты так стараешься? — спросил его один из тех, кто учился с прохладцей.

— Если решил заняться каким-то делом, то надо знать его. Еще мне нужен диплом отличника. Чтобы не завод меня, а я мог выбрать любой завод. Институт себе уже выбрал — Кораблестроительный. Мечта у меня — новый атомостроить.

— Так ты что же, сразу сбежишь в студенты?

— Нет, ни в коем случае на иждивение к папе не пойду. Я буду работать и учиться. И в армию хочу пойти обязательно, получить закалку на всю жизнь.

— Нелегкую ты себе составил программу. А как отец?

Саша подумал и вздохнул:

— Обязан понять...

С. ИВОЛГИН

Внимание!
ОБЪЯВЛЕНИЕ
.....
Сегодня у всех
НОВОГОДНЕЕ НАСТРОЕНИЕ!
ПОЭТОМУ НАШ

СЕГОДНЯ ЗОВЁТ ВАС НЕ НА УРОК,
И
НЕ НА ПЕРЕМЕНУ ДАЖЕ!
А КУДА ЖЕ?
КАК НИ СТРАННО, НО
ОН ЗОВЁТ ВАС
В КИНО!
Итак, все вместе,
но не толкаясь грубо,
ВСТРЕЧАЕМСЯ В ЗАЛЕ
НАШЕГО
КИНОКЛУБА!

Откровенно говоря, Вова никогда не собирался снимать кинофильм. Не потому, что это казалось ему сложным, — просто не было времени, да и киноаппарата тоже. И вдруг однажды папа приносит Вове кинокамеру.

— Ты, — говорит, — молодец: успешно закончил 4-й класс. Поздравляю!

Вот это подарок!

Папа не забыл купить и пленку. И Вова тут же принялся заряжать аппарат. Инструкцию читать было некогда — он только пару раз взглянул на рисунок, и — пожалуйста! Полметра пленки, правда, пришлось отрезать, она куда-то не туда лезла, но все это мелочи. Тут же Вова приступил к съемке.

— Ты, что же, прямо так, без сценария? — удивился папа.

— О каком сценарии ты говоришь, папа? Я снимаю поток жизни, голую правду!

— Ну, смотри, — сказал папа. — Кстати, возьми мой экспонометр. Кино — это не фотография, где одну и ту же сцену можно снять с несколькими выдержками. Сколько раз я ошибался!

— Вот потому и ошибался, что снимал с экспонометром.

А я буду по-своему: взглянул, и все! Главное это... интуиция-атива!

— Интуиция?

— Ага, она. Да ты увидишь, все ахнут!

И Вова продолжал снимать. Он снимал все подряд: ребят во дворе, собак, голубей, старого сонного кота Кутю. Рано утром он выскользнул из дома и, притаившись под балконом, снял папу, который делал зарядку. А потом уже с балкона окликнул маму и снял ее.

Через десять дней Вова получил в ателье проявленную пленку и дома объявил:

— Сегодня закрытый просмотр. Только для своих!

Вечером папа, мама, бабушка и сестренка Люся уехали перед экраном — приколотым на стене листом чертежной бумаги.

Затрещал, как бабушкина швейная машина, взятый на прокат проектор, и ярко вспыхнул экран. Сначала он был совершенно белый, а потом по нему поползли бледные, едва различимые тени.

— Это голуби... — неуверенно проговорил Вова. — Или нет, это, кажется, Витька на велосипеде...

В этот момент экран вдруг стал совершенно темный.

— Ночь в Крыму! — прокомментировала Люська.

— Если кому-нибудь не интересно, может уйти! — сказал Вова.

На экране вдруг появилась мама. Она была вся какая-то приплюснутая, с коротенькими ножками.

— Это кто? Я?! — возмутилась мама. Но тут на экране возник балкон, а на нем, монументальный, как памятник, папа с гантелями.

— Мда-а... — протянул мрачно папа.

Опять заплясали какие-то тени, потом появилась надпись: «Конец первой серии», и фильм закончился. Люська бес тактно зааплодировала.

— Значит, так, — сказал папа. — За просмотр спасибо. Камеру положи в шкаф. Пока не расскажешь мне, в чем были твои ошибки при съемке, киноаппарата не получишь.

Может быть, читатели «Костра», юные кинолюбители, смогут помочь Вове?

Л. БУЛЫШКИН, кинооператор

ПОКА НЕ РАЗБУДИЛ РЕЖИССЕР...

Народные артисты СССР В. Стрельчик и Е. Леонов в перерыве между съемками.

Фото С. Кацева

— Что за странный план?
— Ничего странного: просто мы решили вместе посмотреть многосерийный фильм.

ВОПРОСЫ С места

— Все говорят, что я красивая, но я плохо учусь. Могут ли меня взять на роль главной героини в кино?

— Конечно. Ты сможешь сыграть роль красивой двоечницы.

— Мне нравятся кинофильмы только со счастливым концом, иначе я надолго расстраиваюсь. Что мне делать?

— Смотри только фильм «Ну, погоди!» Там всегда все кончается благополучно.

— Я люблю драться. Разрешат ли мне сниматься в каком-нибудь эпизоде детективного фильма?

— Не разрешат: а вдруг ты подерешься с режиссером!

На вопросы отвечал Л. КАМИНСКИЙ

На этом раздел не закончился. Наш: ОТКРОЙТЕ СТРАНИЦУ, А ТАМ...

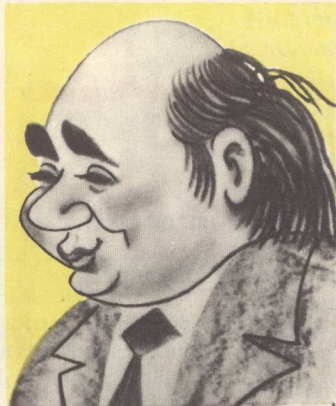
Сегодня мы обещали обойтись без уроков. Но неожиданно встретили в киноклубе художника Михаила БЕЛОМЛИНСКОГО, который что-то рисовал.

— Что вы рисуете? — спросили мы.

— Дружеские шаржи, — ответил художник и показал нам рисунки. На них мы сразу узнали популярных артистов кино Е. Евстигнеева, Е. Леонова и Ю. Никулина.

— А что такое «дружеский шарж»? — спросили мы у М. Беломлинского.

И тогда он провел с нами очередной

Урок Смеха

Шарж — это смешной портрет какого-либо человека. А слово «дружеский» само говорит о том, что такой портрет должен быть обязательно доброжелательным. Обычно художники рисуют дружеские шаржи на тех людей, которых они хорошо знают и любят. Конечно, шарж должен быть веселым, вызывать улыбку. Но это не значит, что нужно обязательно рисовать длинный нос и большие уши, а необходимо постараться выявить в остром рисунке самую главную черту характера человека.

Когда я делал шарж на артиста Евгения Леонова, то хотел показать его добродушие, у Евгения Евстигнеева мне хотелось подчеркнуть его пронырливый, иронический взгляд, а в шарже на Юрия Никулина — найти ту маску «простака», благодаря которой он так талантливо смешит зрителей.

И, конечно, дружеский шарж должен быть обязательно похожим, иначе как же узнаешь, на кого он сделан?

«Мне очень нравится ералаш. Расскажите о нем», — просит в своем письме Юра Голубев из Орла.

Хотя слово «ералаш» было написано с маленькой буквы и без кавычек, мы сразу поняли, что речь идет не о том ералаше, который бывает в голове во время контрольной, а о детском юмористическом фильме «ЕРАЛАШ». Первый выпуск этого фильма вышел в 1974 году, а сейчас уже создано более шестидесяти коротких смешных комедий, которые нравятся и детям, и взрослым. Создают их веселые талантливые люди. Это — главный редактор, известный писатель и драматург Александр Хмелик, директор съемочной группы Борис Грачевский, сценаристы, режиссеры, операторы. Конечно, пересказывать фильм трудно, лучше его увидеть. Но мы все же решили познакомить вас с двумя сюжетами «ЕРАЛАША».

К ВОПРОСУ О СКРОМНОСТИ

Сценарист и режиссер
Т. ШАХВЕРДИЕВ

На экране — школа. За партами сидят ученики одного из младших классов. Они отвечают на вопросы человеку с микрофоном.

— Ребята, что такое скромность? Кого можно назвать скромным человеком?

— ЭТО ТАКОЙ, КОТОРЫЙ НЕ ХВАСТАЕТ! КОТОРЫЙ НЕ ВЫСОКОВАЕТСЯ!

— ЭТО КОТОРОМУ ПОДАРЯТ ЧТО-ТО... ПОДАРОК НЕ НРАВИТСЯ... А ОН МОЛЧИТ...

— СКРОМНЫЙ — ЭТО ЕСЛИ ГОСТИ ПРИДУТ, А ТЫ ПРЯЧЕШЬСЯ...

— Дети, а среди вас есть скромные? Кто из вас скромный?

— Я! Я! Я! Я! Я! Я! Я! Я! Я! Я!
Все поднимают руки.

РЕМОНТ

Сценарий А. КУРЛЯНДСКОГО

Режиссер В. ДОРМАН

Перед телевизором, впившись глазами в голубой экран, сидят два юных болельщика.

— А СЕЙЧАС, — говорит диктор, — МЫ ПОКАЖЕМ МАТЧ НА ПЕРВЕНСТВО СТРАНЫ ПО ФУТБОЛУ МЕЖДУ КОМАНДАМИ...

И вдруг лицо диктора запрыгало, заскакало, задергалось и поплыло по экрану.

Первый болельщик сорвался с места, подскочил к телевизору и нанес ему удар снизу.

Лицо диктора вытянулось от удара по вертикали.

Тогда второй болельщик подпрыгнул и грохнул его сверху. Лицо диктора сжалось по горизонтали.

Первый двинул его кулаком слева — диктор отскочил вправо.

Второй двинул справа — диктор отскочил влево.

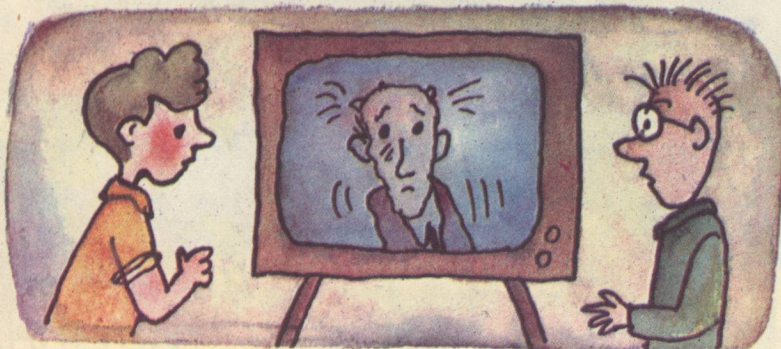
Оба болельщика размахнулись и грохнули, что есть сил, справа-слева, сверху-снизу...

На экране появилось четкое и ясное изображение: весь в синяках и шишках диктор.

— ИЗВИНИТЕ, ТОВАРИЩИ, — сказал он слабым голосом. — ОБЪЯВЛЯЕМ ПЕРЕРЫВ ПО ТЕХНИЧЕСКИМ ПРИЧИНАМ...

Оба болельщика переглянулись:

— КАЖЕТСЯ, ДОСТУКАЛИСЬ!..

Оформление
Л. Каминского

РАССКАЗ*

Н. АНДРЕЕВА

Рисунки И. Дяткиной

Оленин внимательно рассматривал площадки для разведения костров, которые были окружены полутораметровым кольцом взрыхленной земли, так велел сделать дед Моть, боясь, что мальчишки подпалят степь.

— Командир, какая численность вашего отряда? — обратился Оленин к Андрею.

— Здесь шестнадцать человек.

— Красноармеец Петров, пусть повар приготовит каши на шестнадцать бойцов, да со шкварками! А пока, командир, мне надо осмотреть ущелье. Покажете?

— Комиссар, там частые обвалы и... змей полно. Я пойду с вами один. У ребят не у всех обувь.

Через полчаса, когда комиссар и Андрей выходили из ущелья, с дороги на взмыленной лошади подскакал Петрусь. Все с любопытством разглядывали его.

— Сазонов велел доложить, — скороговоркой выговорил он, — на хуторе бандитов много! Разведчики остались уточнять данные.

— Давайте не задерживаться с ужином, — озбоченно проговорил комиссар.

Мальчишки по тропинке сбежали с вершины карьера к походной кухне.

— Ну-ка, потише, хлопцы, — попросил комиссар, — красноармейцы легли отдыхать.

На брезентовой дорожке, раскатанной на тропинке, повар расставил котелки с кашей.

От шкварок шел такой головокружительный дух, что все загаили дыхание. В их семьях давно не давали к столу не только шкварок, но даже соли. Петлюровцы, махновцы и зеленые давно все выгребли из закромов.

Ели молча, стараясь не торопиться, чтобы не показать, какие они голодные.

Следующие дни на Стреженьской горе оставались лишь двое разведчиков и связист. Ребята встречались на реке...

Андрей только что выкупался, белая рубашка, надетая на мокрое тело, прилипла к спине. Подошел Слава.

— Не выходит у меня из головы, Андрей, что отряд Оленина не зашел в город, а исчез неизвестно куда. — Слава сел рядом с ним. — Раненых было много, орудий совсем мало, да и побитые они...

— Спешили на соединение со своими, успели бы... — Андрей посмотрел на реку. Генка лихо прыгнул с высоких мостков...

Наконец Генкина голова показалась над водой. Несколько секунд он крутился на одном месте, по грудь вытягиваясь из воды, потом вдруг замахал руками и с криком «трево-о-ога!» резкими саженками поплыл к берегу.

Спартаконцы вмиг повыскакивали на берег и побежали к кузне.

У кузни деда Моти к ним подбежал связной Рушник.

— Петлюровцы! — закричал он. — На дороге. Все верховые, везут пленных красноармейцев. Когда добежали до поворота, Петрусь влез на ограду.

— Они рядом, — прошептал он. — Поздно уже, не успеем перебежать дорогу.

— Будем вести наблюдение из часовни, — тоже шепотом приказал Андрей.

Старая, полуразрушенная часовня узкими оконцами смотрела на развилку дорог. Густая акация скрывала строение от прохожих.

Впереди колонны на гнедом коне восседал сотник. К его седлу было приторочено древко с розовым знаменем, на котором были изображены зеленая голова лошади и голубая русалка с рыжими волосами.

За сотником гарцевал на белом арабском скакуне всадник в белом мундире и черной папахе, украшенной тремя петушиными перьями. Бандит пристегнул их к папахе брошью с изумрудом. На седельной луке покоилась левая рука всадника в белой перчатке. На правой руке, на всех пяти пальцах, сверкали золотые кольца, а на голове лошади развевался султан точно из таких же перьев, как на папахе.

У карьера расфуфыренный бандит остановил коня и посмотрел на пленных, которые шли в окружении всадников. Руки их были связаны. Почти все они были босы. Гимнастерки и рубахи лоскутьями свисали с изрубцованных нагайками тел.

Широкогрудый красноармеец с перебинтованной головой поддерживал впереди идущего товарища. Сапог красноармейца был перетянут проводом. Сбоку болталась пустая деревянная кобура. Андрей чуть не вскрикнул — он узнал комиссара Оленина.

Окончание. См. «Костер» № 11, 1979 г.

— Становись! — командовал всадник в черной пахае. — Слушать мое распоряжение! Все войск идет в город, охранная часть идет здесь! — Он нагайкой показал дорогу к ущелью. — Исполнить свой долг по ликвидации большевизм!

Следом за сотником пленные гуськом стали спускаться в карьер.

Испытывая мерзкую дрожь, Андрей смотрел только на комиссара. Сейчас он думал не о том, что орава хмельных бандитов готова пришить пулей к земле любого, кто попадется на глаза. И не о том, что в одночасье эти вояки, посланные по следу красных спартаковцев Кнышом или Саватеем, изрубят на куски не только его с друзьями, но и родителей не пощадят. Он думал только об этом широкогрудом человеке с забинтованной головой — комиссаре Оленине. По заострившемуся носу разведчика, сжатым синим губам, глазам, неподвижно уставившимся в одну точку, командир спартаковцев понял: Петрусь тоже узнал комиссара.

Лицо Оленина вспухло, было сплошь покрыто

кровоподтеками, под многочисленными пластами окровавленного бинта волос тоже не было видно.

— Омелько, подать его благородию, товарищу комиссару, лопату, — визгливо приказал сотник одному из пеших конвоиров. — А этих голодранцев, — он указал на красноармейцев, — отведи к камням, пусть поучатся, поглядят, как копать себе могилу. А то он их все жизни учил, ха-ха-ха! Учитель новой жизни, вот ему новая! Мы-ы са-ами копа-али-и моги-илу-уу себе-е-е, ши-ироку-у-ю-ю, глубоку-у-ю-я яа-аму! — запел бандит писклявым голосом.

Ребята уже не видели, как развязали комиссара. Незамеченные бандитами, они ползком перебрались в крепость и затаились в кустах над обрывом. Отсюда хорошо было видно, как комиссар копает яму.

— Сейчас они его убьют, — прошептал Васяня. — Что делать?

— Я так думаю, — вдруг тихо проговорил Андрей, — надо поджечь будылья. Комиссар знает, куда уйти, а бандиты испугаются огня, ока-

жутся в ловушке. — Он взглянул на Генку, и тот пополз в траншею за ракетницей.

— Что, борец за новую жизнь, помягче лежать хочется? — вновь донесся пискливый голос сотника. — Больно хорошо ты копаешь. Может, еще и споешь?

И комиссар запел.

— Вихри враждебные... — пел он, а когда дошел до слов «нас еще судьбы неизвестные ждут», выпрямился, поднял голову и, казалось, взглянул прямо на ребят.

...Небо совсем стало сизым. Гроыхнуло... Комиссар уже по пояс стоял в своей собственной могиле.

— Эх, хорошо бы молния! — вздохнул Слава.

Вернулся Гена с тяжелой ракетницей. Андрей взял ее и положил рядом с собой.

— Васяня, сколько у тебя патронов в маузере? — проговорил Андрей. «Вот и пригодился Васяня отцовский маузер».

— Два.

— Петрусь, следи за обстановкой! — приказал Андрей, отдавая разведчику бинокль. — Когда комиссар кончит копать могилу, вылезет оттуда, подашь знак. Я из ракетницы стреляю в конвойного, что стоит около красноармейцев. Второй выстрел — по куче будыльев. Будылье вспыхнет и преградит бандитам путь. А ты, Иван, — обратился он к пастушку, — побежишь в город, передай деду Мотю... только беги вдоль ограды со стороны сада.

Тем временем сотник ткнул шпорой гнедого, собравшегося было пожевать сухой травы, и на правил его на комиссара.

— Эй, комиссар, тебе тут мокнуть до второго пришествия, а нам след управиться до грозы. Хватит, распелся. Связать соловья и засыпать живым! — вдруг приказал он.

Цепочка бандитов, приготовившихся к расстрелу, распалась. Одноглазый стал разматывать веревку.

Комиссар вытащил из кармана фуражку, поцеловал звездочку, прижал ее к груди.

— Давай! — прошептал Петрусь и махнул рукой.

Васяня положил маузер на локоть и прицелился в сотника.

Грохнул первый выстрел. Сотник отпустил поводья и схватился за правое плечо.

Комиссар молниеносно рванул к себе лопату и рубанул сотника по голове. Раскинув руки, сотник сполз в могилу, Оленин нагнулся, выхватил у сотника свой маузер и, присев, открыл огонь.

В тот же миг посланная Андреем ракета угодила конвоиру между лопаток, бандит истошно заорал и выронил винтовку.

Ярким пламенем вспыхнуло сухое будылье. Конь одноглазого метнулся от огня и встал на дыбы — одноглазый не удержался, упал с коня, а тот, перемахнув через горящую траву, умчался. Бандиты попадали на землю, защелкали затворы. Комиссар спрыгнул в яму.

Огонь с треском подбирался к укрывшимся за камнями. Бандиты вскочили на ноги и, открыв стрельбу, побежали.

Карьер заволакивало дымом. Сверкнувшая молния осветила убегающих бандитов. Комиссар выстрелил им вслед.

— Красные! — дико заорал кто-то.

Грохнул гром. Выскакивая из карьера, бандиты помчались в Чернополье.

Дальше сидеть в кустах было бесполезно. Ребята бросились в карьер, чтобы помочь комиссару и связанным красноармейцам.

— Петрусь, меня придавило! — закричал Слава.

Петрусь остановился, вернулся и увидел Гену, который без движения лежал на Славе. Он осторожно поднял друга, вытащил из кустов и положил на траву.

— Дышит? — спросил Андрей.

Слава оторвал ухо от Генкиной груди и неуверенно кивнул головой.

— Бьется, — неуверенно проговорил он и оглянулся.

Несколько градин с каплями дождя ударили Гену по лицу, и он приоткрыл глаза.

— Лицу больно, — простонал он и закрыл лоб рукой. — Где Кныш?

— Нет тут Кныша. В карьере — комиссар!

Дождь уже лил всюю.

— Слышите, лошадь по дороге чмокает копытами, — прошептал вдруг Петрусь.

Лошадь остановилась под горой, кто-то пошел

прямо к траншее. Раздалось приглушенное покашливание: гхы-хе, и опять: гхы-хе.

— Дед Моть, — облегченно вздохнул Петрусь, узнав старика.

Андрей лежал на душном сене: живот, грудь, особенно голову жгло палящее солнце, а уйти от него в тень не было сил. Сил не было не только, чтобы встать на ноги, но и приподняться, сесть и укрыть голову хотя бы носовым платком. Когда виски сжимала резкая боль, он вытягивался и почти переставал дышать.

Потом начинал дуть пронзительный ветер, от холода немели руки и ноги, по спине шел озноб... И опять не хватало сил уйти в теплое место, укрыться... Так было долго...

Андрей очнулся, услышав голос деда Мотя:

— Никак хлопец-то вошел в сознание? Гхы-хе.

— Да пора бы ему, — отвечала деду Моте какая-то старуха, — отец с матерью с ног сбились, ухаживая. У Геннадия-то на голове лишь шишка с дулю, в остальном он в исправности. Только доктор ему не велел вставать. А этот лежит, то мокрешенький от жара, то вдруг начинает дрожать, словно ягня в испуге. Чем ни укрываешь — ему не согреться; одни горячие бутылки и помогают. — Женщина подошла к топчану, на котором лежал Андрей, аккуратно подоткнула ему под матрац одеяло.

— Это моя сестра, Гарпина Матвеевна. — Дед Моть подсел к Андрею. — Вы у нее всей семьей второй день гостите. На всякий случай решил вас укрыть. В Чернополе бандиты собирались учинить обыск, да прослышали, что Красная Армия на подходе, гхе-хе, и давай сматывать удочки.

— Говорят, Саввatea с Кнышами с собой прихватили, — вмешалась Гарпина Матвеевна.

— Да, сбежали. Не жалко дружков? — с улыбкой спросил дед Моть.

— Не дружки они нам, — устало проговорил Андрей.

— Знаю, знаю, гхе-хе. А вот и от настоящих друзей вам привет. Гхы-хе.

Дед Моть вытащил из-за стола какой-то предмет, завернутый в тряпку, подошел к Андрею, развернул.

Андрей зажмурился, который раз он видит эту деревянную кобуру...

— Где комиссар?

— На твой вопрос ответить не имею права, но хозяин велел передать: это тебе, на память... Твой адрес у него есть. Будет оказия — встретитесь. Передавал спасибо от бойцов Красной Армии.

Андрею стало жарко, он глубоко вздохнул.

— Дед Моть, дай попить, — попросил он.

Ковшик с водой ему принесла Гарпина Матвеевна, а дед положил на топчан деревянную кобуру. Андрей сжал ее в руке, сделал несколько глотков, лег, не выпуская кобуры из рук, прикрыл глаза и тут же уснул.

ЖИЛ ДОБРЫЙ

Жил в Ленинграде удивительный художник. Необычные картины писал он. То большого, во весь холст, филина. То лягушку с золотой короной на голове и стрелой в лапах. А то заснеженную деревенскую улицу, по которой идет медведь, стуча липовой ногой. Этого доброго сказочника звали Юрием Алексеевичем Васнецовым.

Он родился в волшебном Вятском крае. Испокон веков люди этой северной земли любили красоту. Мало им было построить крепкий дом — его украшали резными наличниками и карнизами. Заканчивали класть печь — расписывали ее диковинными цветами. Обычную прялку, и ту покрывали затейливыми узорами.

Что ни село — то ремесло свое. Где из глины игрушки лепят, где кружева плетут или платки расшивают. Готовят товар к ярмаркам. Самая большая — в конце зимы, на масленицу.

Ездили туда целыми семьями. Запрягут мохнатых лошадок, покроют их вышитыми попонами, гурьбой усядутся в сани и, кто быстрее, покати!

На ярмарке шум, гвалт, смех. Карусели кружатся, свистульки свистят, гармоники играют. Торговцы кричат, зазывают в свои ряды. У одних глиняные петушки, лошадки, медведи, разнаряженные барыни со щеголеватыми молодцами. У других дудочки, флейты, рожки. Рядом бабы пряниками торгуют. Шаг ступишь — ковры. Горят краски, будто радуга полыхает.

В детстве любил Юрий Васнецов пропадать на ярмарках. Насмотрится там красоты, и самого потянет рисовать. Сначала просто красками мазал, потом комнату свою расписал. Подросток — ремеслом зарабатывать начал. В игрушечном магазине шкатулки брал расписывать. Готовился праздник — свистульки разукрашивал, на дугах узоры выводил.

Игрушки игрушками, но Юрию Васнецову хотелось научиться писать картины. Как исполнилось двадцать лет, уехал он в Ленинград. Поступил в Академию художеств. Учился у знаменитых мастеров: Рериха, Рылова, Петрова-Водкина. И совсем не предполагал, что возьмется иллюстрировать детские книги. Не предполагал, пока в 1927 году не встретился с талантливым графиком и живописцем Владимиром Васильевичем Лебедевым.

Поначалу молодому художнику было нелегко. Бывало, составит макет будущей книги и тут же идет к учителю. Вместе они выбирают шрифт, смотрят, как лягут строчки на лист, решают, куда поместить иллюстрацию. С одним Лебедев соглашался, другое отбрасывал. Продумав все до мелочей, страницу за страницей, макет отдавали в типографию.

Прошло несколько лет, и стали появляться книжки с картинками Юрия Васнецова. Но самому художнику они не нравились. И вы-

СКАЗОЧНИК

думки мало, и цвет не тот. Звери да птицы какие-то вялые, характера своего у них нет.

Взялся иллюстрировать любимую сказку, «Конька-горбунка». Сколько работал, сколько карандашей переломал от досады. Пробовал рисовать с натуры, книжки с животными рассматривал. Не выходило, не получалось... пока не вспомнил детство свое, Вятку. Припомнились маленькие черные лошадки, что зимой снег на реку возили. Зайцы, скакавшие у деда на лугу, лесные сороки, снегири. Хороводы деревенские, кадрили вятские. Вспоминал — будто самоцветы доставал горстями. Почувствовал: теперь работа пойдет.

Художник уже придумал длинноухого конька, мудрого Иванушку-дурачка, громадную рыбу-кит. Книжку уже читали, а Васнецов все размышлял, думал о новых рисунках. Как написать у жар-птицы перья, чтобы горели золотом? Где на ките «поставить» избы, на хвосте или у фонтана? Каким сделать конька, чтобы дети поверили: он волшебный и все может?

Конек-горбунок и впрямь оказался волшебным. Иванушке он принес счастье, а художнику — веру в себя.

Сказка с его рисунками вышла в 1933 году. И еще сорок лет проработал Юрий Васнецов в Детгизе. Многие сказки иллюстрировал. Любимы были ему наизусть. Бывало, выберет из сказки одного зверя и рассказывает о нем. Говорит, а сам его портрет набрасывает. Так с годами собрались у Васнецова в мастерской портреты разных зверей — «Свинуха», «Совуха», «Медведь у теремка», «Конь»; «Лягушка в теремке».

А чаще всего рисовал художник котов. Был у него и Кот Котофеевич из сибирских лесов. И Кот-воркот бархатный живот. Котинька-коток серенький хвостик и храбрый кот, не раз вырывавший беспечного петуха из лисьих лап. Были коты хитрые, ленивые, обжоры и сони. Но ни одного злого или коварного.

Сколько ни ищи, не найдешь у Васнецова недобрых зверей. Хоть и в сказках о них говорится, а возьмет художник карандаш или кисть и рисует их по-своему. Чудо-юдо двенадцатиголовое у него не панцирем железным покрыто, а будто из кружев сплетено. Серого волка, что гусенка унес, даже жалко становится, так его гуси щиплют. Потому и любил художник сказки, что добро там сильнее зла.

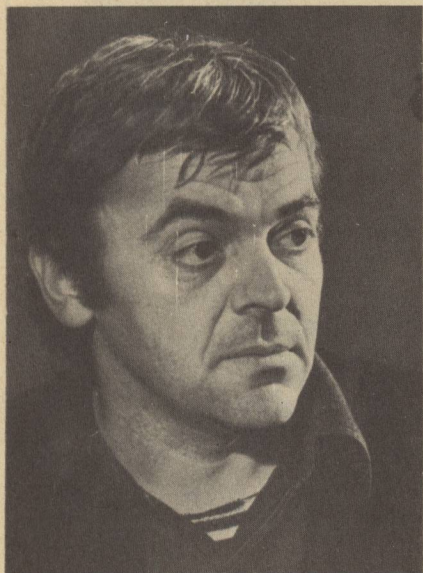
Щедро отдавал художник свой сказочный мир детям. Но оказалось: он нужен и взрослым. И взрослые оценили талант Васнецова. В 1971 году за книги «Ладушки» и «Радуга-дуга» Юрий Алексеевич получил Государственную премию.

Многие художники иллюстрировали русские сказки. И до Васнецова, и после него. Но, пожалуй, никто лучше, звонче и радостнее, чем он.

В нашем детстве было много книжек с картинками Юрия Васнецова. Где они теперь? Одни, возможно, забыты в суете переездов. Другие отданы соседским малышам. Повзрослев, мы спохватились: потерял кусочек нашего детства. И только спохватившись, поняли, кто сберег эти книжки, сохранил настоящие произведения искусства.

В. АНДРЕВА, И. ИВАНОВ

ГРЯНУЛ ВЫСТРЕЛ, И КОЛЕСО ОТВАЛИЛОСЬ

Было это давно, лет двадцать назад, когда еще никакого писателя Юрия Ковалю не было, да и сам Коваль едва ли предполагал, что станет писать книги. Тогда я впервые услышал о нем, как о человеке..., который играет на гитаре. Он играл со своими друзьями, такое самодеятельное трио. Песенки, которые исполнял Коваль, — забавные, озорные, остроумные. Но была в его репертуаре и серьезная музыка: строгие этюды Баха и грустные песни Брассанса...

Сейчас, когда читаешь рассказы и повести Ковалю, не перестаешь удивляться такому же смелому сочетанию в них веселья и грусти, лиризма и юмора. Смелому и в то же время естественному: ведь в жизни никогда не бывает только весело или только грустно, одно непременно приходит на смену другому. Однако не каждому автору удается в одной и той же вещи вызвать у читателя разные, порой противоположные настроения. Коваль

умеет это делать превосходно. Я знаю девочку, которая плакала, читая о гибели пограничного пса Алого, плакала, совсем забыв, что всего минуту назад взахлеб смеялась над веселыми похождениями пса и его проводника солдата Кошкина.

«Алый» был первым произведением Ковалю, написанным в прозе. До этого он писал стихи, которые иногда печатались на страницах «Мурзилки». Однажды редактор «Мурзилки» предложил молодому поэту отправиться на границу. «Вот тебе командировка, поедешь с художником в одну из пограничных частей, посмотришь там жизнь. А потом напишешь о ней. Очень нам нужны стихи о пограничниках!» И Коваль отправился. Стихов он, правда, оттуда не привез. Зато вскоре написал «Алого» и «Особое задание», и еще несколько рассказов из пограничной жизни.

Когда в «Мурзилке», а потом в издательстве прочли эти рассказы, всем сразу стало ясно: появился новый детский писатель, не похожий на других, со своим особым голосом, зорким глазом и необычайно ярким, выразительным языком. Писатель, умеющий рассказывать живо и занимательно. Юмористы радовались: нашего полку прибыло. А ребята и того больше: «Прочтите скорей про Кошкина или про Галошу — обхочетесь!»

Но прошло немного времени, и появилась новая книжка Ковалю «Чистый Дор» — рассказы, насыщенные любовью к природе, к деревенской жизни и к ее обитателям — простым, добрым, отзывчивым людям. «Так он еще и лирик! — удивились читатели. — И как знает деревню! Как будто век в ней прожил». Век не век, а пожить пришлось. И даже поработать. Учителем в сельской школе. Там, собственно, и началась литературная деятельность Ковалю. И началась она с сочинения... диктантов. Мы не знаем, что это были за диктанты, но думаю, что писать их было не только трудно, но и весело.

А теперь можно открыть один секрет. Школа, которую описал

в своей знаменитой повести «Недопесок», это и есть та самая школа, где он работал. И гроза двоечников, строгий, но справедливый директор Губернаторов, — это ее директор, а точнее сказать, директриса. И портрет Менделеева, который так притягивал к себе взоры учеников, тоже висел в одном из классов. Что же касается самой истории, рассказанной в «Недопеске», то она, разумеется, придумана. Но поводом для нее послужил опять-таки действительный факт — посещение Ковалем зверофермы, где выращивали песцов. Так жизнь, пусть не сразу, пусть по прошествии какого-то времени, подбрасывает писателю темы для его произведений.

Закончив повесть, Коваль отослал ее в «Костер», где она и была в скором времени напечатана. С этой публикации началось сотрудничество писателя с ленинградским журналом. Через год уже в виде отдельной книги «Недопесок» появился в Москве, а потом и за границей в переводе на немецкий язык.

Есть писатели, которые надолго остаются верны какой-то одной теме. Тот, скажем, предпочитает писать о школьной жизни, этот — о войне, третий — о путешествиях или о природе. Есть мастера придумывать сказки и разные фантастические истории. Коваль любит писать о разном. Не успели мы нарадоваться его деревенским рассказам, как он написал нечто совершенно новое и неожиданное — детектив. Настоящий детектив — с матерыми жуликами и сыщиками-милиционерами, с погоней, стрельбой и прочими обязательными приметами детективного жанра. Это была повесть «Приключения Васи Куролесова». С ней в детскую литературу пришел новый герой — с виду простоватый, но смекалистый деревенский паренек — «сыщик поневоле». Новой повести Ковалю не пришлось долго искать читателя, она нашла его сразу и сразу же покорила остротой фабулы, необычайной живописностью изображения и, конечно же, юмором.

«Приключения Васи Куроле-

сова» — детектив не совсем обычный. В нем все события, и облик героев, и их речь, и речь самого автора даны с явной поправкой на комическое. То же относится и к последней повести «Пять похищенных монахов», где мы встречаемся с некоторыми героями «Приключений Васи Куролесова».

Кармановская эпопея на страницах этих двух книг напоминает веселое представление, где смешное нарочито преувеличено, — в искусстве такая форма называется гротеском.

Вот мчатся на мотоцикле по разбитой, размытой дороге Вася Куролесов и капитан Болдырев. Впереди на телеге удирает от погони вор по кличке Моря Кожаный:

«На полном скаку мотоцикл ворвался в особенно коварную колдобину, и капитан Болдырев вылетел из седла.

Рисунок
Г. Калиновского

Он висел в воздухе, держась рукой за Васину шею, а мотоцикл по-прежнему мчался вперед. Волей-неволей капитан вынимал Васю из седла.

Дело могло плохо кончиться... Надо было немедленно что-то решать, и капитан принял решение. Он отпустил руку. Вася остался в седле, а сам капитан пролетел над дорогой и, чувствуя, что падает в грязь, проделал в воздухе двойное сальто. Он приземлился на обочине, вполне устояв на ногах. На сером его костюме не было ни пятнышка.

Мотоцикл рванулся вперед, догоняя телегу, а капитан поднял пистолет...

Грянул выстрел. Пуля ударила в колесо, вышибла в нем особо важную спицу — колесо отвалилось. Кожаный выпал из

телеги в лужу и камнем пошел на дно».

Не правда ли, что-то очень знакомое угадывается в этой сцене? Да это же пародия! В таком примерно духе изображается погоня за преступниками во многих детективных фильмах.

А где-то рядом с этой веселой буффонадой мы находим прекрасное, полное удивительного восторга описание голубиного полета, сделанное с необычайной точностью, любовью и знанием дела.

И так почти везде у Ковалья. Поэзия соседствует с юмором, реальность с фантазией. И в «Недопеске», и в «Листобое», и в маленьком рассказе «Кленка», таком смешном и вместе с тем трогательном.

В начале этого года вышла новая книжка Ковалья «Степлянский пруд», созданная вме-

сте с известной художницей Татьяной Мавриной. У книжки этой своя любопытная история. Обычно писатель пишет рассказы, а потом художник делает к ним рисунки. На этот раз все произошло наоборот. Коваль написал рассказы, отталкиваясь от рисунков, сделанных Мавриной несколько лет назад и вовсе не предназначенных для книг. Совсем как школьники младших классов. Может быть, работая над книжкой, Коваль вспоминал своих бывших учеников, их первые робкие сочинения — рассказы по картинке. А может, просто вспоминал деревню, в которой жил, дороги, по которым бродил, пруд, куда любил приходить по утрам... Чем-то еще удивит и обрадует писатель Юрий Коваль?!

К. АРОН

ОЛИМПИЙСКАЯ ВИКТОРИНА

Предлагаем
вопросы
IV тура

1. Нарисуйте значок члена сборной олимпийской команды СССР.
2. Кто из советских футболистов забил больше всего «олимпийских» голов? Что можно сказать об игре этого футболиста?
3. Какую из Олимпиад называют «Олимпиадой Владимира Куца» и почему?
4. Кто первым из советских велосипедистов стал чемпионом Олимпийских игр? Где и когда это произошло?

ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

Подзорная труба императора Франции и пока еще непобедимого полководца Наполеона Бонапарта наткнулась на густые облака порохового дыма. В этом дыму все труднее угадывалось движение войск на Бородинском поле. В этом дыму скрывались последние надежды на победу.

Из дыма вырвался всадник и поскакал к шевардинскому холму. Император устало опустил подзорную трубу. Он уже понимал, что гонцы с поля сражения не принесут ему желанной вести.

Адъютант маршала Нея соскочил с коня. Прерывистое дыхание затрудняло его речь: «Государь, Багратион перешел опять в наступательное движение; маршал Ней не в состоянии более удерживаться... Настало время подкрепить маршала, если вы не хотите, чтобы он был раздавлен и отброшен до сих мест».

Наполеон угрюмо молчал. Всего несколько часов отделяло его от счастливого рассвета. Бессонная ночь кончилась, когда в двенадцатый раз велел он узнать: «Не ушел ли Кутузов?» И обрадованный тем, что русские не покинули позиций, велел подать коня, помчался к Шевардину, взглянул оттуда на поле грядущей победы. Он так безгранично верил в свою звезду, в своих прославленных маршалов — «храбрейшего из храбрых» Нея, непреклонного Даву, лихого кавалериста Мюрата, тонкого стратега, «знатока карты» Бертье, в свой план генеральной битвы, в силу крушающего удара по армии Кутузова.

И вот все пошло прахом. Волны французских атак одна за другой разбиваются о железное упорство русских войск.

Еще не раз в этот роковой день маршалы великой армии будут посылать к Наполеону адъютантов и сами прямо из пекла боя скакать к нему на взмыленных лошадях, чтобы просить, умолять, даже требовать бросить в бой последний

резерв — старую гвардию. Решительное «Нет!» императора сменится колебанием. Настанет мгновение, когда маршалам покажется — вот сейчас он скажет свое твердое «Да!» И старая гвардия — 10 тысяч закаленных солдат, овеянных славой громких побед, — ринется в атаку.

Но это мгновение так и не настанет.

Возникает вопрос: почему Наполеон не бросил в бой свой последний резерв и могла ли его старая гвардия изменить результат Бородинской битвы?

СОВЕТЫ ГЛАВНОГО КОНСУЛЬТАНТА ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ИГРЫ «КОСТРА»

Заданный вопрос далеко не наивный и уж тем более не праздный. В разное время, в разных странах, ставя перед собой различные цели, отвечали на него военачальники и политики, историки и литераторы.

Теперь, участники военно-исторической игры, слово за вами.

Не торопитесь с выводами. Помните, по тому, насколько будет глубок

и обоснован ваш ответ, можно сделать вывод о ваших знаниях, умении сопоставлять факты, мыслить стратегически.

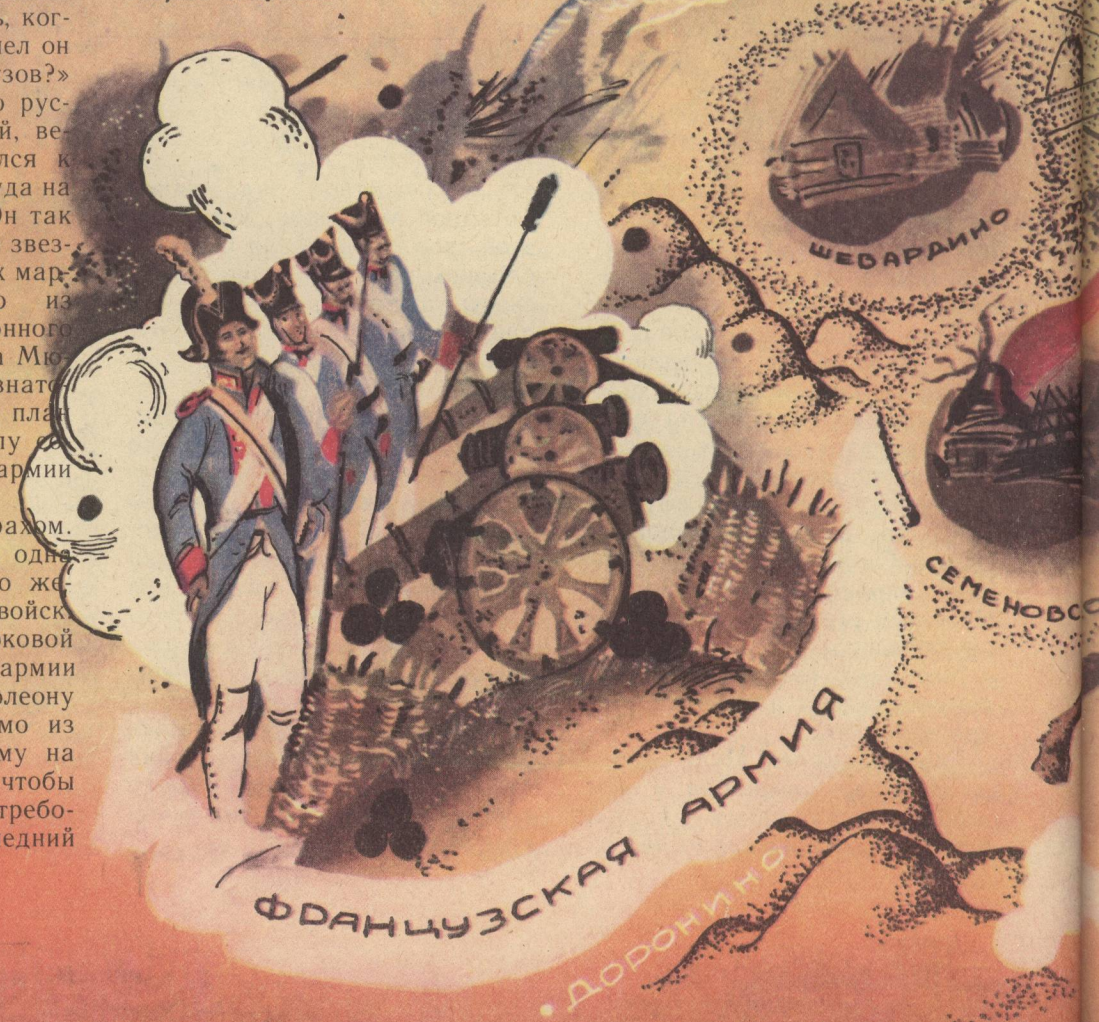
Прежде чем ответить на вопрос, вспомните, какие цели в этом сражении ставил перед собой Наполеон и какие задачи решал фельдмаршал Кутузов. В ходе выполнения наших предыдущих заданий вы накопили немалый опыт. Используйте его в анализе соотношений сил и тактических действий противоборствующих сторон. Обратите особое внимание на бой у Багратионовых флешей и у люнета Раевского, на рейд русской конницы в тылы французской армии.

В работе вам помогут книги: «Детская энциклопедия», т. 8-4, изд. 3-е; С. Алексеев. «Птица-Слава» (Рассказы об Отечественной войне 1812 г.), «Сто рассказов из русской истории»; Б. Кафенгауз, Г. Новицкий. «Герои Отечественной войны 1812 года». А для тех, кто хочет разобраться в вопросе еще более обстоятельно, рекомендую книгу научную — академика Е. В. Тарле «1812 год».

Донесения о выполнении задания прислать в редакцию не позднее 31 декабря сего года.

Герой Советского Союза,
генерал-майор Ф. Е. ЖМЫРОВ

Рисунок В. Цикоты

ТАТАРИНОВО
КИРАСЛИ

РУССКАЯ АРМИЯ

М.И. КУТУЗОВ

ПЕРЕВОК
ПОЛЕВОЙ
АРТИЛЛЕРИИ

ОФИЦЕР
ЛЕШЕЙ
АРТИЛЛЕРИИ
1808г.

ОФИЦЕР
ГУСАДСКОГО
ПОЛКА

Казак
ДОНСКОГО
БОЙСКА

Военная Азбука

Люнет — открытое с тыла укрепление с одним-двумя прямолинейными валами по фронту и рвом впереди

Флеш — полевое укрепление в форме тупого угла, обращенного вершиной к противнику

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. ПОПОВА

Год издания — 23-й

БАЛТИЙСКИЙ ПОТЁМКИН

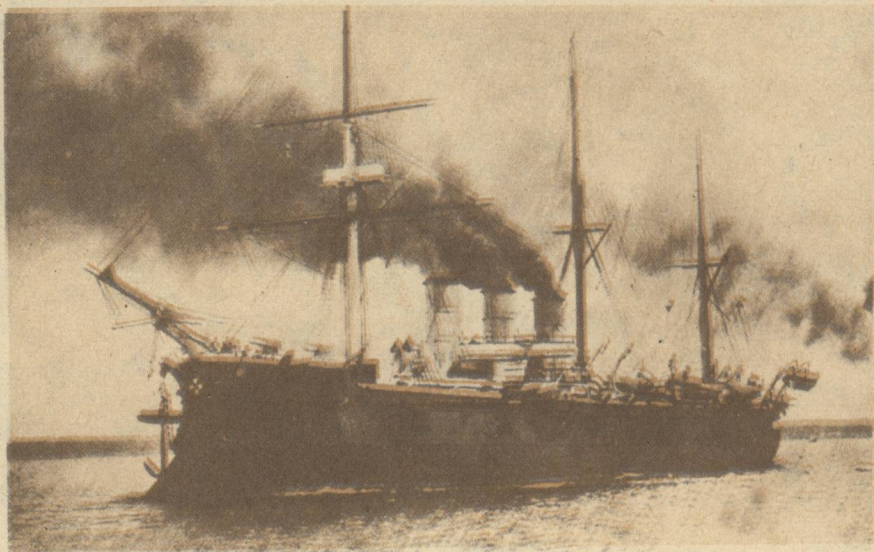
Ночь. Тьма. С берега бухты чуть заметен силуэт крейсера «Память Азова»: желтеют точки освещенных иллюминаторов. Команда спит. Ярче свет в кормовых каютах офицеров. Командир решает: арестованного на крейсере неизвестного человека отправить под усиленным караулом в ревельское жандармское управление...

Тишина. Только слышны шаги часового возле каюты с арестованным. Вдруг погас свет. Замер часовой. Где-то затопали люди. Где-то загудели встревоженные голоса. Двинулся было в темноту часовой, но тут же упал, сбитый с ног. «Выходи, Арсений! Выходи, братишка!» Коптюх ки-

Окончание.

См. «Костер» № 11, 1979 г.

Редкая фотография крейсера „Память Азова“

нулся на палубу. А там, гремя винтовками, растекаются по трапам, по всем корабельным закоулкам матросы... Восстание! Защелкали на полуде револьверные выстрелы — это пытались защищаться офицеры. В схватке одних убили, другие удрали на катере. Несколько удалось арестовать.

Утром на крейсере подняли красный флаг... Развели пары и взяли курс на Ревель. Восставшие надеялись, что их поддержат рабочие, прикнут другие корабли Балтийского флота. Они не знали, что для расправы с революционным кораблем уже снаряжается целая эскадра и губернатор Ревеля только что получил от царя срочную телеграмму: «...Немедленно привести бунтовщиков к повинности или потопить».

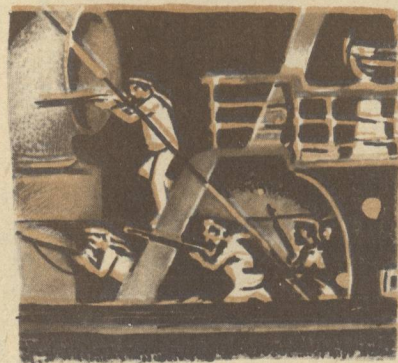
Однако и выхода у восставших не было. Ближе всех — Ревель — на крейсере ни угля, ни продуктов...

Встали на Ревельском рейде. С тревогой смотрели матросы на берег. Там занимали позицию солдаты, казаки, артиллерия. Цепи полицейских окружали порт. Ни одна шлюпка не смогла бы теперь отойти незамеченной от берега, ни одна не пристала бы к нему...

Из труб крейсера поднимался чуть заметный дымок, в топки бросали угольную пыль и мусор.

Даже если бы и решили уйти в море, без угля нечем было бы поднять пары... Крейсер стоял. А часы уходили, уходило драгоценное вре-

мя. Часть команды заколебалась: это были молодые матросы, первогодки, несознательные деревенские парни. Этим-то и воспользовались кондукторы — «офицерские прихвостники», как называли их матросы. Кон-

дукторов на крейсере было много. Они тайно испортили орудия и освободили офицеров. На крейсере вспыхнул контрреволюционный мятеж. И тотчас с берега, словно там только этого и ждали, пошли катера и баркасы, полные полицейских и солдат.

Тех, кого схватили живыми, судил военно-полевой суд.

Арсения Коптюха и семнадцать матросов расстреляли на рассвете.

Крейсер «Память Азова» царь велел переименовать в «Двину», но матросы называли крейсер иначе — «Балтийский «Потемкин»...

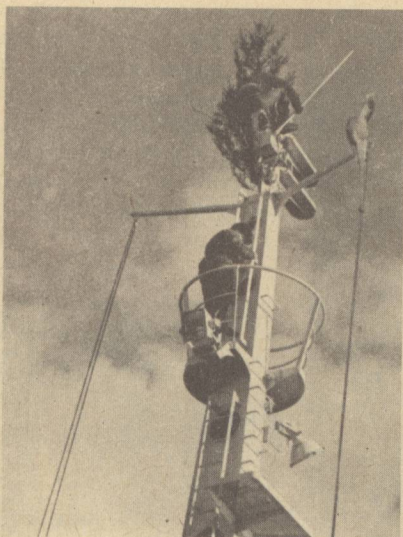
О. ОРЛОВ

ШКОЛЬНИК НАШЕЛ ГАЛИОН

Английский школьник Симон Бартон, купаясь, обнаружил на морском дне останки галиона. Сначала Симон нашел бронзовую пушку, потом — ядра, затем и сам галион. Ученые решили, что галион принадлежал к знаменитой испанской «Непобедимой армаде», с помощью которой король Филипп Второй хотел завоевать Англию. Считают, что это самая важная находка в подводной археологии XX века.

ЕЛКИ НА МАЧТАХ

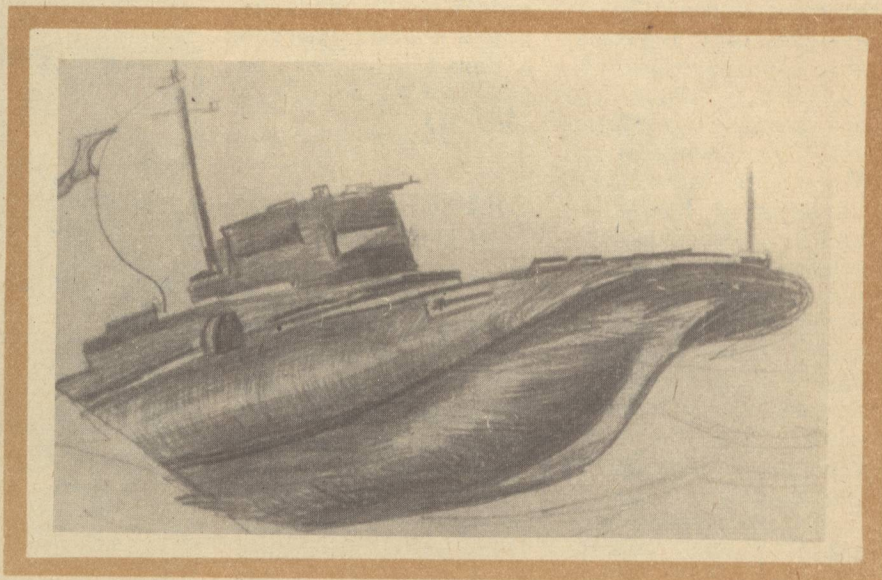
Мы шли проливом Ла-Манш. В Ла-Манше корабли видны и слева и справа. Из-за тесноты в проливе моряки называют Ла-Манш — «Суп с клецками»... А в тот предновогодний вечер в проливе было еще теснее: все капитаны, наверное, спешили в свои порты — встречать Новый год. Нам путь был еще далек — в Южную Америку. Вдруг приятель мне говорит: «Елка!» И верно: на мачте встречного теплохода — елка. Смотрим, и на другом судне на мачте — елка. И на третьем. Это обычай такой: если Новый год судно встречает в море, прикрепляют к мачте елку... Вот и наш боцман поднимается на мачту. В руке — елка.

Я попросил у боцмана разрешения украсить елку лампочками. Боцман разрешил. Хотя я и сильно замерз на ветру, прилаживая лампочки, зато наша елка была на Ла-Манше самая красивая.

Судовой электрик
теплохода «Магнитогорск»
Борис ГЕССЕЛЬ
фото автора

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

АТАКА ТОРПЕДНОГО КАТЕРА

Вася Кунчевский
Ростов-на-Дону

КАК ПОХИТИЛИ ДЕЛЬФИНОВ

Из бассейна на Гавайях исчезли два дельфина. Тотчас подняли тревогу: в бассейне-то проводились секретные опыты — дельфинов обучали уничтожать «вражеских» водолазов. Это были дельфины-смертники. К их спинам крепили динамит...

Дельфинов не нашли, зато нашли похитителей. Ими были американские студенты. Они заявили: «Мы дельфинов не похищали. Мы просто выпустили их в Тихий океан. Люди не имеют права использовать этих умных животных в качестве орудий для своих жестоких целей».

С. ЮРЬЕВ

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ ЮНЫХ ПРЫГУНОВ

НАШИ НОВОСТИ

Закончилось подведение итогов Олимпийского конкурса. В сборную команду Всесоюзного спортивного клуба «Кузнечик» вошли сорок лучших спортсменов. Это пионеры из Москвы и Смоленска, Барнаула и Киева, из многих союзных республик, краев и областей. В январе они соберутся в Ленинграде, чтобы помериться силами в состязаниях, посвященных памяти первого советского рекордсмена мира Юрия Степанова.

А всего в нашем конкурсе приняло участие более тысячи юных прыгунов в высоту. Филиалы клуба открыты в городах Славяногорске Донецкой области, Вихоревке Иркутской области, поселке Мга Ленинградской области, в совхозе «Тепловский» Оренбургской области...

Прием в спортклуб продолжается.

По решению Управления легкой атлетики Спорткомитета СССР и редколлегии журнала «Костер» с нового года

спортклуб **начинает прием и юных прыгунов в длину. Условия приема смотри в № 1 за 1980 год.**

СЛАВЯНОГОРСКИЕ „КУЗНЕЧИКИ“

У них нет легкоатлетического манежа с искусственным покрытием, нет специальных тренажеров, нет профессиональных тренеров. У славяногорских «кузнечиков» есть учитель физкультуры Василий Иванович Токаренко, спортплощадка за шко-

лой да нехитрые приспособления: покрышки от мотоциклов, деревянные прыжковые тумбы, самодельные барьеры, перекладина. И есть самое главное — желание научиться высоко прыгать.

Поэтому трудятся ребята каждый день, да так весело и азартно — любо-дорого посмотреть! Оля Воронцова через скакалку прыгает, словно первокласска. Но для первоклассек скакалка — игра. А Оля знает — одно из главных качеств «высотника» — прыгучесть. Андрей Подвойский с «блином» от штанги приседает. Де-

сять, двадцать, тридцать раз... Какой же ты прыгун, если у тебя слабые ноги? Несколько человек с тумбы на тумбу скачут. Взлетают в воздух мотоциклетные покрышки, пущенные сильной рукой Леши Гонтаря. Такие упражнения вырабатывают резкость, она нужна легкоатлету, как воздух. Два малыша с лопатой и граблями старательно разравнивают в яме песок. Это помощники, будущие «кузнечики»...

Здесь не было случая, чтобы кто-то пропустил тренировку. Или опоздал. Дисциплина — прежде всего. Так считает Василий Иванович. Так думают и сами ребята.

Для тех, кто впервые попадает в эту школу, непонятно — откуда здесь столько спортив-

ных наград? За участие в городских, районных, областных соревнованиях. Дипломы, грамоты, кубки... Но ничего удивительного нет. Все станет понятно, стоит только поближе познакомиться с этими ребятами.

тами и своими глазами увидеть, как они живут и работают...

А. ЯКОВЛЕВ,
Донецкая область

У НАС В ГОСТЯХ

**чемпионка летней
Спартакиады народов
СССР, мастер спорта
международного клас-
са Елена Голобородько.**

— Скажите, пожалуйста, Лена, как вы начали заниматься спортом?

— В детстве я жила в Керчи. Каждое утро бегала к морю, плавала далеко за волнорез, на песке выполняла прыжковые упражнения. По вечерам занималась на стадионе. Но результаты росли очень медленно...

— Чем вы можете это объяснить?

— Причин много. Одна из них — рост. 172 сантиметра — маловато для прыгуна в высоту. После того, как закончила Институт физкультуры, многие считали, что я уже не перспективна. Когда я установила на Спартакиаде всесоюзный рекорд, для большинства специалистов это было неожиданностью...

— Точнее, вы установили в тот день четыре личных рекорда. Как это было?

— Утром я прыгнула 185, а вечером — 187, 189 и, наконец, 191. Пыталась взять 193, к сожалению, неудачно...

— А для вас самой рекорд тоже был неожиданностью?

— Пожалуй, да. А вот тренер был во мне уверен. За несколько дней до Спартакиады он вручил мне конверт и попросил вскрыть после соревнований, поздно вечером. На листке было написано: «195 — I место». Но его прогноз сбился только наполовину. Четыре сантиметра пока за мной...

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Сегодня мы познакомим вас с одним из членов сборной команды «Кузнечика».

Рассказывает Андрей Неприятель:

— Живу в Алтайском крае, в поселке Новосиликатный, учусь в восьмом классе. Два года назад я хотел поступить в городскую легкоатлетическую школу, но меня не взяли. Тогда я стал тренироваться самостоятельно. Летом уходил в березовую рощу на окраине поселка. Планку я заменил веревочкой, укреплял ее двумя прищепками и прыгал. За

год хорошо подготовился, и меня приняли в спортшколу. Недавно я занял второе место на первенстве Алтайского края. И очень обрадовался, когда узнал, что включен в сборную «Кузнечика». Я давно мечтал увидеть Ленинград. Теперь моя мечта осуществится.

**„Здравствуй,
„Кузнечик““**

...Наверно, я никогда не стану рекордсменкой мира, как Сара Симеони, но все равно — я хочу прыгать. Это же так здорово — взлетать без крыльев! Было бы очень хорошо, если бы кто-нибудь написал песню о «Кузнечике». Я сочинила стихи. Может быть, они не очень хорошие, но четыре строчки, по-моему, получились:

*В большой стране
лугов и речек
от Сахалина до Памира
живут
веселые кузнечики,
непризнанные
чемпионы мира...*

Света Плужникова,
7-в класс, школа № 762
Москва

...Секция легкой атлетики в нашей школе появилась недавно. Вначале у нас ничего не было. Мы сами делали барьеры, штанги, свинцовые пояса, шили маты. Особенно любят наши ребята прыгать. Наша секция — инициатор проведения первенства города по прыжкам в высоту. Эти соревнования стали уже традиционными...

Ира Рыбкина,
7-а класс,
школа № 2,
город Вихоревка

АНКЕТА ЧИТАТЕЛЯ „КОСТРА“

1. Кто ты? Твой возраст? Адрес?
2. Твое увлечение.
3. Чем ты думаешь стать? Быть может, „Костер“ чем-то помог тебе в выборе профессии? Если да, назови такой материал в номерах этого года.
4. Какие повести, рассказы, очерки ты обсуждал в отряде?

5. Нам хотелось бы знать, сколько человек, кроме тебя, прочитывают твой номер „Костра“
6. О чем бы ты хотел узнать в „Кострах“ будущего года?

7. Какой автор, по твоему мнению, достоин в этом году „ПРИЗА ЧИТАТЕЛЕЙ „КОСТРА“? Внимательно просмотри все номера года и реши. Ты можешь назвать только одну фамилию: писателя, художника или журналиста.

Редакция

Заполни, вырежь, пришли письмом. Наш адрес: 193015, Ленинград, Таврическая ул., 37, „Костер“

В КАКИХ СТРАНАХ ПОБЫВАЛА „ШУНА“ „УДАЧА“ ?

Рисунок Б. Цыганкова

ОДНАЖДЫ к знаменитому американскому писателю Марку Твену пришел репортер. Они поговорили о том, о сем, и, наконец, репортер, заметивший, что страницы записной книжки Твена совершенно чисты, сказал: „А ведь я слышал, что вы сюда постоянно заносите все свои умные мысли!“

— Ах, мой друг, — отвечал Твен, — умные мысли приходят так редко, что их можно запомнить и без записной книжки...

ОДНАЖДЫ чрезвычайно тщеславный итальянский скульптор Бандинелли, сделав копию античной статуи, хвастался, что превзошел подлинник.

Микеланджело, великий скульптор, на это заметил: „Человек, идущий вслед за другими, первым прийти не может...“

ОДНАЖДЫ довольно глупый царский генерал на поле боя подозвал адъютанта и, недовольно морщась, сказал ему:

— Голубчик! Скажи к войскам и передай мой приказ: „Артиллерии стрелять чаще и громче!“

КТО? КТО? КТО?

Кто из разведчиков ШХМ возьмется провести глубокую разведку с целью определить, где удастся сломить отчаянное сопротивление черного короля и провести пешку в ферзи?

1. Белые: Kpd6, п.с6; черные: Kрс8
2. Белые: Kpd5, п.с6; черные: Kрс8
3. Белые: Kpd5, п.с5; черные: Kрс8
4. Белые: Kpd5, п.с5; черные: Kрс7
5. Белые: Kpd5, п.а5; черные: Кра8

Фамилии десяти разведчиков, ответивших верно, будут опубликованы в «Костре» № 6, а трое получат приз. Ответы отправить до 1 марта.

ОТВЕЧАЕТ ФЕРЗЬБЕРИ

— Как записаться в разведчики АРЧЕБЕКА?

— Послать в АРЧЕБЕК (193015, Ленинград, Таврическая, 37. «Костер») почтовую открытку: «Прошу принять меня...»

— Кого принимают?

— Всех шахматистов и шашкистов. И даже тех, кто еще хочет научиться играть.

— Будет ли соревнование для разведчиков?

— Обязательно! В январе начнется Олимпийский турнир АРЧЕБЕКА.

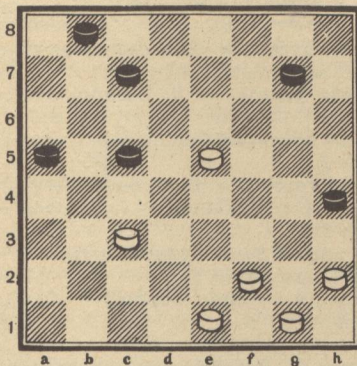
В нем можно будет получить спортивный разряд, завоевать диплом и приз.

— А как в него включиться?

— Все желающие это сделать — как вновь вступающие, так и старые арчебековцы — должны отправить заявку «Прошу включить меня в Олимпийский турнир...». Кто напишет, будет включен. Поэтому ждать сообщения о том, что принят, не надо. Послал заявку — смело вступай в турнирные сражения в «Костре» № 1.

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

Сегодня у разведчиков последняя тренировка перед Олимпийским турниром. Проверьте свою спортивную форму — попробуйте справиться с такими заданиями.

ШХМ. А. Гришин (с. Ермоловка). Белые: Kph7, Фа3, Лб5, Лh4, Cd3, п.f2; черные: Kpd4, Лd2, Cg4, Kg7, п.h5. Мат в 2 хода.

Ю. Башлыков (Белово). Белые: Kph3, Ca1, Ch1, пп.а3, а4, с2, е2, е5, е6; черные: Kрс4, пп.а5, с5, е3, е7, h4, h5, h6. Мат в 8 ходов.

РШ. Г. Маркосов (Кисловодск). На доске по шесть шашек. Но у черных было семь — одна упала. Где она стояла, если известно, что белые могли выиграть? (См. диаграмму).

МШ. В. Степанов (Абaza). Белые: 22, 45, 47, 48, 49, 50; черные: 7, 13, 29, 35, 38, 39. Как белыми одержать победу?

КИОСК

„МГНОВЕННАЯ СПРАВКА“

— Что такое «отложенная партия»?

— В турнире противники ведут борьбу за доской оговоренное в регламенте время (обычно — 4, или 5, или 6 часов). Если за это время они партию не закончат, судья предложит им отложить ее и доиграть в назначенный день.

— Что такое «секретный ход»?

— Когда партия откладывается, тот, кто делает последний перед откладыванием ход, не передвигает фигуру на доске, а лишь записывает его и отдает судье. Таким образом, этот ход остается неизвестным противнику,

что затрудняет ему поиск наилучшего ответа. А при доигрывании судья вскрывает конверт и «рассекречивает» записанный ход: делает его на доске. Партия продолжается.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 9 решаются так.

Чемпионат. ШХМ. А. 1.Фe1! Kpb8 2.Cf4+. Б. 1.Фd8! Ke1 2.Ld7 и т. д. В. 1. Kd8 Лd6 2. Cc6! Л:c6 3.Kb7! Г. 1.Kpf6! Cb2+ 2. Kpg6 d2+ 3. Kph6 и т. д. Д. Белые спасаются — 1.Kрс8! Kрс6 2. Kpb8! Kpb5 3. Kpb7 и т. д. Е. Выигрыш белых — 1.a3! h5 2.Kpg3! (но не Kpg5?) h4+ 3.Kph3! и т. д.

РШ. А. 1.f6! 2.b4 3.h2X. Б. 1.c3! f4 2.b2!X. В. 1.d6! 2.cb4! 3.d4X. Г. Тут белым не выиграть: если 1.d6, то b4 2.d4 a3 3.c3 de7 4.c7 g7! =. Д. 1.f2 c3 2.e5! 3.g1!X. Е. Здесь ничья — 1.f4 b4 (после f6 2.a3 черным не выиграть) 2.a3! c3 3.b4 4.e5 =.

МШ. А. 1.21! 2.33X. Б. 1.21! 2.28! 3.41!X. В. 1.39—34! 2.43! 3.30 4.18X. Г. 1.22! 2.44! 3.34 4.30X. Д. 1.47 48 2.5 31 (если 26, то 3.21!X) 3.32—38 36 (если 48, то 4.43!X) 4.15X. Е. Белым не спастись: если 1.20, то 38—42 2.14 47 3.10 9! 4.4 37—41! 5.31 15X.

Задание резерву. После 1.Kрс5! черным придется сдать, так как они или получают мат, или теряют ладью.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА за 1979 год

ПОВЕСТИ

- Остаюсь в заслоне.** Главы из повести. — И. Болознев и И. Сабилло. — № 1, 2.
Близнецы. — Э. Кестнер. Перевод с немецкого А. Девеля и И. Ломан. — № 1—4.
На целинных ветрах. — Г. Черноголовина. — № 4—7.
Надя и Лида. Глава из романа. — С. Иванов. — № 8.
Остров Безветрия. — В. Воскобойников. — № 10—12.

РАССКАЗЫ

- Северные рассказы.** — С. Багров. — № 1.
Двое на воле. — С. Воронин. — № 1.
Как живет аэродром. — Б. Никольский. — № 2, 3.
Кто знал, что так получится. — А. Моргун. — № 3.
Велосипед и все лучшее. — А. Лисняк. — № 4.
Как мальчишки приглашали Ленина на елку. — О. Орлов. — № 4.
Важное поручение. — Г. Маликова. — № 5.
Мой сосед Вовка. — А. Моргун. — № 6.
Хворосту воз. — Л. Каминский. — № 6.
Как тушили трубу. — В. Гальченко. — № 7.
Теплый ключ. Трасса. Китовый чемодан. Вечная мерзлота. Коврижка. Снежная старуха. — А. Дорофеев. — № 7.
По звездной дороге. — Ф. Камалов. — № 8.
Ярмарка. — Дж. Бхарти. Жемчужина. — Ш. Гуджрал. Перевод с хинди Н. Толстой и В. Балина. Пересказал С. Сахарнов. — № 8.
Пропавшие ламы. Ай-ай! — С. Баруздин. — № 8.
Рисунки на песке. — Б. Щербаков. — № 8.
И мой сурок со мною... — В. Карпенко. — № 8.
К косачам в большой мороз. — В. Нестисов. — № 8.
На крылатом кенгуру. — А. Мельников. — № 8—10.
Новый способ. Осенняя простуда. Дневник. — Н. Федоров. — № 9.
На дворе. — Саид Нафиси. Перевод с персидского Х. Муздстана. — № 9.
Кляксы из непроливашки. Фантастический рассказ. — В. Жигунов. — № 9.
На желтом коне. — Ф. Камалов. — № 10.
Человек-птица. — А. Контти. Перевод с испанского Р. Рыбкина. — № 10.
Гроза в Чернополье. — Н. Андреева. — № 11, 12.
- ## СТИХИ
- В снежном лесу. Снег летит. В морозный день.** — Г. Морозов. — № 2.
Маляр. — Н. Егоров. — № 4.
Страх. — С. Давыдов. — № 5.

- Девочка уснула.** — Э. Дубровина. — № 6.
Веселая походная. — Н. Егоров. — № 6.
Да здравствует утро! — А. Шевелев. — № 6.
Радуга. — Н. Юркова. — № 6.
Стихи. — Г. Островский. — № 7.
Веселые стихи. — В. Макин. — № 7.
Жаворонок. — Н. Юркова. — № 8.
Я лес люблю. Волшебный дробовик. — А. Стариков. — № 8.
Спасибо, букварь! — Н. Разыков. Перевод с таджикского В. Сулова. — № 9.
Высший класс. А он играл в футбол. — М. Вейцман. — № 9.
«Костер» в одной семье. — Л. Каминский. — № 9.
Наступление осени. — В. Орлов. — № 10.
Стихи народов СССР. Перевод М. Яснова. — № 11.
Год ребенка. — В. Фетисов. — № 12.
Стихи твоих ровесников. — № 3—12.
- ## СКАЗКИ
- Король попугаев Ююбу.** — В. Циньбулк. Перевод с чешского А. Кабанова. — № 1.
Маленький кенгуренок Куу-Пуу. — Кет Уокер. Перевод с английского А. Мельникова. — № 3.
Далеко и близко. — Б. Левандовская. Свободный перевод с польского С. Сахарнова. — № 5.
Про зверя Индрика. — Р. Погодин. — № 5.
Где ты, Гдетыгдеты! — Р. Погодин. — № 6.
Как сын строителя фараона перехитрил. Египетская сказка. Пересказ С. Фингарет. — № 7.
Как гусеница тувельки заказывала. — Х. Ожеговская. Пересказ с польского Н. Прутиной. — № 9.
Семеро братьев. — С. Сергуненков. — № 11.
Медвежонок по имени Паддингтон. — М. Бонд. Перевод с английского Е. Перехвальской. — № 12.
- ## ЗАБАВНЫЕ СТРАНИЦЫ
- Веселый звонок.** Отдел юмора. Ведет Л. Каминский. — № 2, 4, 6, 8, 10, 12.
Уголек. Странички для малышей. — № 1, 3, 7, 9, 11.
Уголок Веселого архивариуса. — № 1—12.
- ## СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ НАШЕЙ РОДИНЫ
- «Искру» доставляют в Россию.** — № 4.
Три минуты войны. — М. Лезинский. — № 5.
Часовые Красной Пресни. — В. Минаева. — № 5.
Вспоминая пионерские годы. — А. Редина. — № 8.
Портрет. — В. Грусланов. — № 12.
- ## МАРШРУТЫ ПЯТИЛЕТКИ
- Тында — БАМ — Беркамит.** — Г. Ковенчук. — № 3, 4.
Вышка в тундре. — А. Гостомыслов. — № 10.
Добровольцы 1979 года. С. Иволгин. — № 10.

Как я ездил на оленях. — А. Гостомыслов. — № 12.

ТВОЙ СОВРЕМЕНИК

- Мундир для картошки.** — В. Четкарев. — № 1.
Сто шагов в сторону моря. — А. Стерликов. — № 6.
Красный снег. — Г. Балувев. — № 9.
Обычная работа в необычных условиях. Рассказ когмонавта В. И. Севастьянова. Записал А. Самойлов. — № 10.
Человек на мостике. — К. Арон. — № 11.

РАССКАЗЫВАЕМ О ПРОФЕССИЯХ

- Кумачовые косынки.** — А. Гостомыслов. — № 3.
Первое дежурство. — С. Иванов. — № 4.
Они придут в цех. — Л. Потапова. — № 5.
Повар Лена. — Л. Смагина, А. Гостомыслов. — № 5.
Юрий Богданович, прошу! — П. Соловей. — № 6.
Торжокские золотошвейки. — В. Того. — № 7.
Хочу строить атомоход. — С. Иволгин. — № 12.

МИР И СОЛИДАРНОСТЬ

- К 30-летию Германской Демократической Республики.** — В. Михайловичев. — № 10.
Мы смотрим в мир. — № 3—5.
Что ты знаешь о ГДР! Конкурс-викторина. — № 5, 11.
Что ты знаешь о ПНР! Конкурс-викторина. — № 9, 12.

1979 ГОД — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД РЕБЕНКА

- «Север планеты пусть встретится с югом.»** — № 3.
У пионеров Колумбии. — Л. Шульженко. — № 4.
Будем дружить! — Л. Шульженко. — № 6.
Жоржи из Маринья-Гранде. — А. Косс. — № 11.
Мы смотрим в мир. — № 6, 9—11.
НА МАРШЕ «ПИОНЕРЫ ВСЕЙ СТРАНЫ — ДЕЛУ ЛЕНИНА ВЕРНЫ!»
Дядя Степа и его помощники. — А. Толстиков. — № 1.
Первая высота. — Д. Севастьянов. — № 2.
Самый красивый букет. — В. Лысов. — № 2.
Всегда готовы! — В. Морозов. — № 3.
Поездка в Углянец. — Г. Князев. — № 5.
Что значит быть правофланговым! — В. Гаазе. — № 5.
Лагерь, в котором хорошо. — С. Иванов. — № 6.
Дела тимуровцев. — № 6.
Привет II Всесоюзному слету тимуровцев. — № 7.
Тимуровский патруль действует. — Д. Севастьянов. — № 7.
Мой компас земной. — С. Иванов. — № 7.
Отряд носит имя героя. — В. Того. — № 9.

«Факел» зажигает огонь дружбы. — В. Того. — № 12.
 Сердцем и именем. Следопытский поиск по заданию Центрального музея В. И. Ленина. — № 9—12.
 «Барабан» — журнал юнкоров. — № 1—12.

НАУКА. ТЕХНИКА.
 Льды. Корабли. Город. — А. Гостомыслов. — № 1, 2.
 Гнев и милость вулканов. — Т. Орловская. — № 7.
 Капитан «Нимба». — А. Самойлов. — № 8.
 Путешествие в необыкновенную школу. — А. Пирожков. — № 10.
 Новости науки и техники. — В. Четкарев. — № 11.

КООТ — КЛУБ ОБЫКНОВЕННЫХ ОТКРЫТИЙ

Что угадал и в чем ошибался Жюль Верн! — № 1.
 Почему вымерли древние ящеры! — Т. Орловская. — № 10.

ОХРАНЯТЬ И БЕРЕЧЬ ПРИРОДУ

«Зеленые страницы». Операция «Чудо-дерево». — № 1, 3, 6, 8, 10, 11.
 Панты. — З. Пирогова. — № 7.
 И все, что живет на земле. Интервью с отв. редактором Красной книги СССР А. Г. Банниковым. Запись М. Черкашиной. — № 8.
 Зерна тускароры. — М. Калинин. — № 8.
 Идет операция «Зернышко». — № 8.
 Кольцо из Лиссабона. — М. Владимиров. — № 8.
 Наследники Айболита. — В. Шульгин. — № 8.
 Наблюдаем и работаем. — М. Зверев. — № 8.
 Гнуты зеленые шпаги. — А. Лисняк. — № 8.
 Летят лоси на Камчатку. — В. Голубев. — № 8.
 Ваш аквариум. — № 8.
 Почта «Барабана». Пионерская забота о природе. — № 8.
 Твой верный друг. Страничка кинолога. — № 2, 4, 9, 11.
 Поход продолжается. — Е. Матвеева. — № 11.

СПОРТ

Всесоюзный спортивный клуб «Кузнечик» — № 1, 3—7, 9—12.
 Олимпийская викторина. — № 1, 7, 12.
 Советы чемпиона мира. Интервью с Анатолием Карповым. — Ю. Барский. — № 2.
 Бомбардиры с косичками. Рассказ В. Мельникова, заслуженного тренера СССР. Записал А. Толстиков. — № 3.
 Юнги капитана Ефимова. — В. Шамшур. — № 4.
 Встреча с каратэ. — А. Толстиков. — № 7.
 Сильные, смелые, ловкие. — А. Лисняк. — № 11.

В МИРЕ ПРЕКРАСНОГО

Художник Честняков. — Л. Кузьмин. — № 3.

Мой край — целина. — В. Манзя. — № 3.
 Первый театр для детей. — М. Ткаченко. — № 6.
 Художник Константин Панков. — В. Воскобойников. — № 8.
 На выставке «Костра». Художник И. Дяткина. — № 10.
 Искусство — революции. — И. Ерыкалова. — № 11.
 Рисунки твоих ровесников. — № 2, 4, 9, 11.
 Жил добрый сказочник. О художнике Ю. Васнецове. — В. Андреева, И. Иванов. — № 12.

ОНИ РИСУЮТ И ПИШУТ ДЛЯ ВАС

Александр Николаевич Самохвалов. — М. Клещар-Самохвалова. — № 1.
 Можно ли рассмешить ворону! О художнике Викторе Чижикове. — М. Шумская. — № 6.
 Писатель Никольский и рядовой Башмаков. — С. Сахарнов. — № 7.
 Про веселого человека и его добрые книги. О писателе В. Голявкине. — И. Трофимкин. — № 8.
 Анатолий Алексин. — Г. Черкашин. — № 9.
 Отчего ты, рожь, золотая! О поэте Екатерине Серовой. — А. Крестинский. — № 10.
 Грянул выстрел, и колесо отвалилось. О писателе Юрии Ковале. — К. Арон. — № 12.

МЫ ЛЮБИМ КНИГУ

О Гайдаре, о Мальчише-Кибальчише и о военной тайне. — В. Компаниец. — № 1. К 75-летию со дня рождения А. П. Гайдара.
 Они готовили краснозвездную крепкую гвардию. — Г. Черкашин. — № 2.
 Герой Севастополя. — В. Веселов. — № 2.
 О мужестве и героизме. — Н. Москвичева. — № 3.
 Далекие близкие звезды. — Н. Крышук. — № 4.
 У Лукоморья. К 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. — С. Гейченко. — № 6.
 Хранитель Лукоморья. — Г. Черкашин. — № 6.
 «За тебя, революция!» — Л. Пожидаева. — № 11.
 Премии журнала «Костер» за лучшие произведения, напечатанные в журнале в 1977—1978 году. — № 1.

МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

Морская газета. — № 1—7, 9—12.
 Школа будущих командиров. Военно-историческая игра. — № 2, 6, 7, 9—12.
 Кинофототелеклуб. — № 2, 5, 9, 12.
 Космическая почта. Филателия. — № 4.
 Арчебек. Шахматы и шашки. — № 1—12.
 За семью печатями. Головоломки. — № 1—12.
 Приключения матроса Кошкина на шхуне «Удача». — О. Орлов, Б. Цыганков. — № 1—3, 5, 7, 10—12.
 Сделай сам. — № 5—7.
 Наша анкета. — № 7, 12.

СОДЕРЖАНИЕ

Как я ездил на оленях <i>очерк А. Гостомыслова</i>	1
Остров Безветрия <i>повесть В. Воскобойникова</i>	4
«Факел» зажигает огонь дружбы <i>очерк В. Того</i>	15
«Барабан» <i>журнал юнкоров</i>	16
Портрет <i>рассказ В. Грусланова</i>	18
Год ребенка <i>стихи В. Фетисова</i>	21
Сердцем и именем <i>поиск юнкоров и следопытов «Костра»</i>	22
Знаешь ли ты ПНР? <i>конкурс-викторина</i>	23
Медвежонок по имени Паддингтон <i>глава из повести Майкла Бонда</i>	24
Хочу строить атомоход <i>фотоочерк С. Иволгина, В. Лозовского</i>	28
Веселый звонок <i>кинофототелеклуб</i>	29
Гроза в Чернополье <i>рассказ Н. Андреевой</i>	33
Жил добрый сказочник <i>очерк о художнике Ю. Васнецове</i>	36
Они пишут для вас	38
Школа будущих командиров	40
Морская газета	42
Спортклуб «Кузнечик»	44
Арчебек <i>шахматы, шашки, отдел ведет заслуженный тренер СССР Ю. П. Барский</i>	47

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
 Г. В. БАЛУЕВ,
 В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
 Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
 В. И. МАТВИЕНКО,
 А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
 Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
 Р. П. ПОГОДИН,
 Е. В. СЕРОВА,
 Н. И. СЛАДКОВ,
 Т. Н. ФЕДОРОВА
 (зам. главного редактора),
 Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
 А. Н. АЗЕМША
 Технический редактор
 В. И. МЕЦТАУНОВА
 Корректор
 Т. В. АЛЕКСАНДРОВА

Рукописи и фотографии не возвращаются
 Адрес редакции: 193015, Ленинград,
 Таврическая, 37, телефон 274-93-84

М-05162. Сдано в набор 04.09.79. Подписано к печати 30.10.79 г. Формат 60×90%. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,4. Печать офсетная. Тираж 636000 экз. Заказ 4762. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

ЗИМА

На белом стройном скакуне
Летит зима по всей стране
И всем несет сюрпризы:
Сосульки на карнизы,
Для стройных беленьких берез —
Хрустальный иней в сотни кос,
Для ребятишек — елку,
Зеленую иголку.
А для страны несет зима
Пшеницы спелой закрома.
Несет улыбки, Новый год!
И... за собой весну ведет.

*Таня Правдивая,
7-й класс,
Новгород-Северская
школа-интернат*

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Я проснулся утром рано,
Посмотрел в окно.
И, конечно, удивился —
Все кругом белым-бело.

Ветки инеем покрылись,
На беседке снег лежал.
Снегири развеселились,
Дворник тропку расчищал.

*Олег Воробьев,
13 лет,
город Торез*

**Рисунок
А. Ивашенцевой**

